

Степан Торбоков

Шория всюду со мной

ИПП «Кузбасс»
Кемерово • 2006

ББК 84Р6(2Р-4Кем)
Т59

Издание этой книги стало возможным благодаря поддержке администрации Кемеровской области.

В сборнике использованы материалы из рукописных фондов Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (директор – доктор исторических наук, профессор Валентина Николаевна Тугужекова) и Государственного учреждения Республики Алтай «Институт алтаистики им. С. С. Суразакова» (директор – кандидат исторических наук, доцент Наталья Михайловна Екеева).

В создании книги принимали участие сотрудники учреждений культуры г. Осинники: начальник управления культуры Ольга Александровна Феофанова, заведующая отделом Центральной городской библиотеки Альфия Гарифовна Урбан, а также работники Централизованной библиотечной системы (директор – Ольга Александровна Упорова).

Торбоков, С. С.

Т59 Шория всюду со мной: сборник произведений / ЦБС г. Осинники ; худож. О. Г. Помыткина ; вст. статья Г. В. Косточакова. – Кемерово: ОАО «ИПП «Кузбасс», 2006. – 216 с. – 400 экз. – ISBN 5-85905-318-5.

В сборнике представлены произведения шорского поэта и фольклориста Степана Торбокова: стихи, сказки, публицистические заметки о родном крае.

ББК 84Р6(2Р-4Кем)

Перевод с шорского: *М. Небогатов, В. Махалов, Г. Сысолятин, Г. Косточаков, М. Субботин, С. Соколовская.*

ISBN 5-85905-318-5

© Степан Торбоков, текст, 2006
© ОАО «ИПП «Кузбасс», 2006

СЛОВО О СТЕПАНЕ ТОРБОКОВЕ

Вряд ли в Кузбассе найдется кто-нибудь из образованного старшего поколения, кому было бы неизвестно имя Степана Торбокова — нашего замечательного поэта-земляка, выдающегося представителя шорского народа. Когда-то он имел довольно широкую известность. Можно даже сказать, он был своим, кузбасским, Расулом Гамзатовым.

В 50–70-е годы прошлого века поэтические произведения Степана Торбокова нередко печатались в областных журналах и сборниках, областных и городских газетах, вышло несколько его поэтических книг.

Степан Торбоков имел своего благодарного читателя, его слово трогало, находило отклик, он просто и вместе с тем глубоко переживал и воспевал изначальное родство человека и природы, побуждал к любви и милосердию, пробуждал чувство сострадания.

Для жителя индустриального Кузбасса такое энергоемкое слово его было особенно значимо.

Но было бы неверно видеть в поэте противника промышленности и прогресса. Как раз напротив, — он был активным поборником улучшения и совершенствования мира, искренне радовался и приветствовал изменения жизни в своей родной Горной Шории и в Кузбассе. Все это можно видеть в его стихах, например:

Лишь вчера тут сырело болото, гниль,
А сегодня — город во всей красе.
По уму и по сердцу преобразил
Человек, чтобы было уютно всем.
Создают нам машины завтрашний день,
Недра родины вскрыв, берут плоды.

Но он хотел, чтобы человек, внедряясь в природу, т. е. в изначальное сообщество зверей, птиц, деревьев, воды, ветра, солнца и звезд, всегда помнил, что сам он есть когда-то отделившаяся, но тем не менее все еще неотъемлемая часть этой самой природы, причем часть не самая большая и не самая сильная, но, что чрезвычайно важно, — могущая быть мудрой и сострадательной.

В 80-е мглистые годы, сразу после смерти Степана Торбокова, нас всех увлекло в дали, отнюдь не поэтические. Поэта стали постепенно забывать. Везде, только не на его малой родине – в городе Осинники и не в среде шорского народа. В 90-е годы появилась группа энтузиастов из числа осинниковцев, которая поставила перед собой задачу возродить славное имя Степана Торбокова. У них нашлись единомышленники из других городов и образованные шорцы. Они сообща выпустили сборную книгу произведений поэта, широко отметили его 95-летие, организовали ставшие традиционными Торбоковские чтения, потом было 100-летие и так дальше. Имя поэта снова стало на слуху, его произведения снова начали читать.

Имя Степана Торбокова снова является настоящей визитной карточкой города Осинники. Поэтому слова «Торбоков» и «Осинники» стали синонимичными по отношению друг к другу. И это такая синонимия, которая делает честь городу!

Не каждый город Кузбасса имеет такого земляка. Да и не каждый город, если у него все-таки был подобный земляк, стремится упрочивать его славу и поддерживать память о нем, взяв на себя заботу о его наследии и публикуя его прекрасные произведения.

Но этого нельзя сказать про город Осинники. Данная книга – лишнее тому подтверждение. Осинниковцы не на словах, а на деле помнят и гордятся своим поэтом Степаном Торбоковым! А значит, и весь Кузбасс будет помнить его и гордиться им, ведь, как известно, память и гордость – не абстрактные понятия, а результат конкретных инициатив и дел.

Степан Семенович Торбоков родился в 1900 году в том месте, которое много позже стало именоваться городом Осинники. А во время его рождения это был аймак (район), состоявший из нескольких шорских аалов (деревень) во главе с улусом (селом) Тагдагал (параллельное название – Осиновка). Родным селением поэта был аал с поэтическим названием Тайлеп.

Поэтическим в этом аале было не только название. Аал являлся одним из центров бытования традиционного шорского сказительства, т. е. в этом аале испокон веков жили потомс-

твенные кайчы – мастера-исполнители героических сказаний. Кайчы в поэтической форме повествовали о тюркских древних героях и их деяниях, исполняя свои сказания не только ритмизованным рассказыванием, но и параллельно (в первую очередь) – горловым пением (называется «кай») под собственный аккомпанемент кай-комуса – двухструнного инструмента типа кобзы. Сохранились имена некоторых выдающихся тайлепских кайчы: Н. К. и Г. С. Тельбезековы, Г. С. Торбоков и др.

Традиционное шорское сказительство в тех местах, кроме Тайлепа, еще бытовало в селе Кинерки, тамошние выдающиеся кайчы: братья К. М. и А. М. Атконовы, С. В. Шалбыгашев, С. Т. Тайбычаков.

Эти два села и были центрами бытования так называемой кондомской традиции шорского сказительства. Кроме кондомской, в Шории существовала еще мрасская традиция, ее центры – улусы Чувашка, Казасс, Усть-Мрасс, Красный Яр и Карай.

Таким образом, Степан Торбоков вырос в удивительной атмосфере народной поэзии. Более того, от своих прямых предков по линии отца он унаследовал талант кайчы, т. е. обладал великолепной памятью, мог после первого или второго слушанья какого-нибудь кайчы запомнить, а потом хранить в памяти десятки сказаний, каждое из которых вмещает в себя несколько тысяч строк-стихов; великолепно пел горлом и виртуозно подыгрывал себе на кай-комусе.

Талант кайчы у него проявился очень рано, мальчиком он прошел, как было принято, период ученичества у кайчы Н. К. Тельбезекова, очень быстро стал мастером. Спустя многие годы исполнительства у него появился свой ученик, по свидетельству А. И. Чудоякова, им был Т. С. Камзачаков.

В соответствии с кондомской традицией кая-сказительства Степан Торбоков пел с сильным сжатием гортани, но тихим голосом и в чуть замедленном темпе.

Всю свою жизнь он успешно исполнял героические сказания, их в его репертуаре было более 50.

Шорский народ знает его и помнит как одного из великих своих кайчы. Его имя стоит в одном ряду с именами великих шорских кайчы: Морошки (Н. А. Напазакова), Акмета (А. И. Абокаева), Аккоке (П. Н. Амзорова) и Пабела (П. И. Кыдыякова).

Шорский кайчы часто был не просто исполнителем издревле существовавших героических сказаний, но и как бы соавтором этих произведений. Роль повествователя, отводившаяся ему в сказаниях, позволяла не просто вести слушателя по дорогам вечно живого героического прошлого народа, рассказывать, показывать, выражать переживания героев-богатырей, вызывать сопереживание у слушателя, но и позволяла все это интерпретировать по-своему, выражать события по-своему, через свое понимание того времени и тех людей-героев. В тексты сказаний иногда вносилось свое особенное, авторское (здесь – соавторское) представление, ведь шорский жанр героических сказаний был устным, а следовательно, многовариативным. Жанр предусматривал вариации «узлов» сказания (терминологически – «общие места», «эпические формулы»). Кайчы выбирал тот «узел», который соответствовал бы его нынешнему пониманию события, своему настроению на тот или иной период времени и интересу конкретной публики. Кайчы мог варьировать повествование (мотивы поступков героя), горловой голос и мелодии кай-комуса. Мог даже вносить в седые сказания что-то от современности и от себя лично (осторожно, конечно). Возможностей было много, жанр был относительно свободным: в нем неизменным оставался лишь сюжет, который мог «обрастать» вариациями мотивов и характеристик.

И еще, кайчы редко когда ограничивался одним жанром героических сказаний, он знал и исполнял и другие жанры шорского фольклора: сказки, легенды, пословицы, песни, частушки, загадки. В этих жанрах тоже было возможно соавторство.

Увлеченный возможностью соавторства, Степан Торбоков особенно преуспел в жанре народной песни-сарын. Он стал создавать свои, как бы торбоковские, песни. Первую известность принесла ему «Колыбельная», затем были многие другие. Все созданное Степаном Торбоковым в жанре народной песни впоследствии широко распевалось народом и пополнило сокровищницу шорской народной песни-сарын. Некоторую часть таких соавторских произведений шорского фольклора (песен, пословиц, загадок и одного сказания), созданных Торбоковым, перевел Г. Сысолятин и в 1975 году издал в московском изда-

тельстве «Современник» книгу «Волосяная струна. Произведения устной поэзии горных шорцев».

Известно, что если человек действительно талантлив, то талантлив во многом. У Степана Торбокова в молодости проявился дар поэта (он как поэт – единственный из шорских кайчы, остальные довольствовались лишь возможностями соавторства). Ему стало тесно в рамках фольклорного соавторства, он жаждал полного и литературного авторства. Поэтому он начал писать стихотворения, не скованные фольклорными жанровыми рамками. Именно стихотворения, которые уже не нужно было петь (хотя иногда он их пел, подыгрывая себе на кай-комусе).

К написанию собственных стихотворений Торбоков приступил в начале 50-х годов, но первые редкие опыты были еще в 30-е годы.

Кроме собственно поэтического дара, к данной работе его подвигнули следующие обстоятельства:

1. Шорский язык и шорская культура, в том числе фольклор, в его время были обречены. Это было вызвано репрессиями 30-х годов, когда был уничтожен, в частности, Горно-Шорский национальный район (1939 год), свелось на нет национальное образование (национальные школы в 1940 году перешли исключительно на русский язык), была закрыта газета на шорском языке (остался только русскоязычный вариант под названием «Красная Шория»), прекратилось издание книг и учебников на родном языке для школ и педагогического техникума (который был сначала в улусе Томазак-Мыски, потом был переведен в улус Кузедеево). Репрессии коснулись в первую очередь всех грамотных шорцев, деятелей культуры, в том числе кайчы: кто-то был расстрелян, кто-то – посажен, кто-то – просто замолчал. Все национальное стало восприниматься как националистическое, подозрительное, даже – «шпионское», направленное на «отделение» национальной территории от страны. Уцелевшие от репрессий кайчы перестали петь, в том числе и Степан Торбоков, да и слушатели перестали ходить к ним, боялись. Многие уцелевшие кайчы погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Торбокова же

на фронт не взяли по возрасту. Торбоков стал искать другое средство для самовыражения.

2. К этому времени Степан Торбоков успел получить образование: до революции окончил церковно-приходскую школу, участвовал в ликбезе (сперва окончил, а потом и сам вел курсы ликвидации безграмотности), получил среднее образование, окончил учительские курсы, заочно закончил в 1943 году географический факультет Томского университета, стал работать учителем, завучем и директором школы в селах Кинерки, Рябиновка, Тайлеп. Не менее важно, что в школе и особенно в культурном Томске он приобщился к великой русской литературе. Вспомните:

Стих я даже писать замахнулся,

Пушкинский почувствовал ритм.

Появилась потребность проявить себя на поприще шорской литературы, вернее, поэзии, лирики. Он захотел в стихах отразить свое неслыханное время – эпоху революционных преобразований в Шории и России.

Известно, поэт (в отличие от прозаика) может писать лишь на родном языке. Время Торбоковым было упущено, так как на родном языке он уже не мог опубликоваться. Но все равно это его не остановило, он стал активно писать стихотворения и тут же делал для своих будущих переводчиков подстрочники своих произведений.

Первым переводчиком его стихотворений стал хакасский поэт-собрат А. Кильдичаков, которому подстрочник не требовался (хакасский и шорский языки – это почти один язык), потом появились другие переводчики, кому подстрочник уже стал просто необходим, так как они не знали шорского языка (Г. Сысолятин, М. Небогатов, В. Махалов и др.).

Стихи Степан Торбоков создавал одновременно со своей титанической деятельностью по собиранию и записыванию произведений родного фольклора. Седой фольклор позволил ему уточнять свое миропонимание, подсказывал темы и мотивы, помогал оценить масштаб революции, потрясшей его молодость.

Уверенный (конечно, не до конца), что шорский фольклор и язык скоро навсегда уйдут в небытие, Степан Торбоков решил все-таки оставить на бумаге все то фольклорное богатство, которое он помнил сам.

Но кому нужно сие богатство? Кому нужны результаты его огромного труда? Области они не нужны – шорцев как бы не существует в природе, Москве не нужны по той же причине. С. Торбоков обращается к государственным научным структурам родственных народов – алтайцев и хакасов (АлтНИИЯЛИ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ныне Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, и ХакНИИЯЛИ). Те не сразу, но соглашаются за очень небольшие деньги приобрести параллельные (оригинальный и построчно переведенный на русский язык) тексты произведений шорского фольклора, аккуратно им записанные на листах ученических тетрадей, тетради аккуратно сшиты друг с другом нитками. Эти тетради с тех пор принадлежат этим институтам и хранятся в их фондах.

Таким образом С. Торбоков навсегда сохранил для истории, для своего народа и всего человечества более 50 шорских героических сказаний (опубликовано в переводах 3), несколько сказок (опубликовано в переводах 4), много песен (опубликовано в переводах 54), загадок (опубликовано 101), пословиц (опубликовано 2).

Миропонимание Степана Торбокова сложилось в 20–30-е годы XX века и коренным образом больше не менялось. Он, как на черное и белое, делил историческое время на две разноценные части: то, что было до Октября, и то, что было после Октября, т. е. было создано Октябрем. Первая часть уничтожалась, вторая часть идеализировалась. Знакомая идеологическая структура!

Но Торбоков не был бы Торбоковым, если бы все-таки по-своему не связал эти два отрезка исторического времени. То есть у него это не отрезки, а части единого времени, которое характеризуется дружбой простых людей, людей труда, людей разных народов, в его случае – шорцев и русских. Просто Октябрь,

по мнению Степана Торбокова, усилил существовавшую более трехсот лет дружбу народов, и это дало удивительные результаты.

Можно уверенно сказать, что Степан Торбоков – своего рода мост между шорским и русским народами, мост взаимной симпатии и взаимного уважения, мост, насущно необходимый во всякие времена. Совершенно не случайно гуманистическая тема дружбы между народами проявляется во многих его стихотворениях, ибо это была мысль, которую он постоянно переосмысливал, и воздух, которым он постоянно дышал:

Данная дружба, как считал Торбоков, имеет более чем трехсотлетнюю славную историю, и она началась с тех простых казаков, которые защитили шорцев от джунгар в XVII веке:

Был джунгарский хан нам сосед,
Его всадники нам несли
На копье вражды слезы бед, –
Унижали, грабили, жгли.
И до наших дней было б так,
Если б не объявился сосед
Новый – храбрый и добрый казак
(Тогда русских так звали все).
Тот казак усмирил джунгар
И включил землю шорскую в Русь.
Лучше тяжкий ясак, чем пожар,
Притеснение, аркан, кровь и гнусь.

Но особенно, как далее полагает Торбоков, эта дружба проявилась в начале XX века, когда эти народы в боях отстаивали свое право на свободу, равенство и труд и стали сообща строить новый мир, руководствуясь дружбой уже свободных тружеников:

У шорского народа с русским
Общих триста лет.
Мы вместе – в радости и грусти,
И вместе живем на земле...
Нет силы такой, чтобы
Нас развести по углам!
Наша дружба – высокой пробы!
Все идите – к нам!

И в жару, и в стужу,
В счастья и горя час,
Мы триста лет жили в дружбе,
Тем более — сейчас!

Мы, люди XXI века, конечно, несколько скептически оцениваем взгляд Торбокова на Октябрь и вообще на начало XX века, но с одним не согласиться нельзя — дружба между шорцами и русскими, основанная на взаимной симпатии и взаимном интересе, всегда была, есть и, хочется верить, будет.

И нельзя отрицать того, что начало XX века значительно улучшило Горную Шорию: из одинокой окраины она действительно превращалась в один из центров совместного труда народов, здесь появились города и стали культивироваться невиданные тогда блага (электричество, радио, различные машины, в том числе автомобили, трактора и т. п.).

Та же советская власть (у Торбокова она вместилась в символы — «Октябрь», «Москва») в те годы административно объединила разрозненные шорские земли и создала доселе невиданное — Горно-Шорский национальный район, в котором простые шорцы сами стали решать свои насущные вопросы, в том числе культурные. Впервые за всю историю шорского народа стала выходить газета на родном языке, публиковались книги, учебники, каждый ребенок мог свободно учиться на своем родном языке. (Истины ради заметим, что письменность на шорском языке, в том числе и преподавание родного языка в школе, были и ранее (с 40–50-х годов XIX века), но учились в школах не все дети, а только явно способные, родственники паштыков и те, кому повезло попасться на глаза пришлому миссионеру. Речь идет о церковно-приходских школах, их в Шории было сначала одна-две, к началу XX века стало десять, одну из которых в свое время окончил сам Степан Торбоков. И однажды публиковались на шорском языке рассказы из Библии и псалмы).

Начало же XX века внесло в национальное просвещение невиданный демократизм (школ стало более сорока, что для маленькой Шории очень даже немало).

Все это сообщается для того, чтобы мы могли понять, почему Степан Торбоков всю жизнь был очарован советской властью, т. е. Октябрем и Москвой:

Я слышал с детства о тебе, Москва,
Ты для меня – как святыня!
Я с детства мечтал
Увидеть тебя, Москва,
А посчастливилось только ныне!..
...Радость наделяет силой,
Сносит трудности, преграды.
Уж давно она вселилась,
Октябрем зову ту радость.
За Октябрь я бился, стал я
Вечно молодым за это.

Тем более, что революционные преобразования в Шории пришлось на самые молодые его годы (человеку ведь так свойственно идеализировать время своей молодости), поскольку именно тогда он сформировался как личность (и больше в корне не менялся), а значит, это были лучшие годы его жизни.

И что с того, что свободный труд, равенство, братство оказались на деле только декларацией? Что с того, что та же советская власть со временем ликвидировала Горно-Шорский национальный район, вернув шорские земли и народ в прежнее состояние разрозненности, закрыла газету, убрала преподавание по-шорски, не стала печатать книги и учебники на шорском и вообще обрекла язык на умирание? Что с того, что благодаря той же власти сам Торбоков никогда не видел и даже не имел надежду увидеть свои замечательные стихи на родном языке напечатанными, а только – переводы?

Все равно для Торбокова время его молодости – лучшее, и советская власть – лучшая!

Такова логика формирования человеческой личности, с которой нельзя не считаться. И все, им любимое, прекрасное и высшее, отразилось в его стихах.

Можно добавить, что Степан Торбоков – своего рода мост между человеком и природой. Он в своих стихотворениях воспроизвел характерное для шорской культуры уважительное отношение к природе как к живой целостности, как к отдельному миру, который не ниже человеческого.

Более того, природа у Степана Торбокова стала настоящим героем его произведений, например, деревья, горы, ветер и т. п. Они умеют чувствовать, переживать, они имеют свою судьбу.

В свое время книжка поэта «Струны кай-комуса» потрясла меня. Первое мое впечатление было таково: сквозь слова я уловил, что поэт вполне серьезно и искренне уравнивает деревья, зверей и горы – с человеком. Для него они – такое же человечество, как и сообщество людей. Относится к ним, как к живым людям, радуется встрече с ними, чувствует их душу, знает их судьбы, сопереживает им. Это было для меня неслыханно!

И узнаваемо. Я вспомнил, как мои бабушка-нанека, бабушка-авий и мама относятся к своим домашним животным. Они разговаривали с ними, словно с людьми, сопереживали им, иногда посмеивались над ними, иногда упрекали, сердились на них всерьез. А в дни, когда кололи этих животных, они затворялись в доме и тихо плакали. И как отец мой перед тем, как срубить дерево возле дома или в тайге, долго курил и шептал себе под нос какую-то молитву. То же самое он делал и на охоте, прежде чем идти за зверем.

Я понял, что у моего народа это не было блажью, чудачеством или, скажем, ненужной сентиментальностью, а было исконным шорским отношением к природе, отношением живого к живому, души к душе, одного мира к миру другому, равного к равному. Шорцы уверены, что животные умеют чувствовать, понимают человеческий язык, они – тоже люди, тоже человечество. Шорцам бывает стыдно перед животными, могут ждать от них отпущения, а также душевности, просто животные, звери сказать не могут. Охотясь, срубая деревья, шорцы искренне и серьезно просили у них прощенья, был целый ритуал.

Именно такое исконное шорское отношение к природе прослеживается в произведениях Степана Торбокова.

И это не характерное для литературы олицетворение, нечто созданное для красоты, хотя в олицетворении главный герой – тот же самый человек, а не природа сама по себе. Здесь же природа выступает полноправным героем, а человек (в данном случае лирический герой) – лишь путешественник, общающийся, скажем, с осиной, березой и сопереживающий им. В этом случае человек – не чистый лирический герой, а, скорее всего, лиро-эпи-

ческий герой, водящий читателя по природе и знакомящий его с ней, отображающий ее так насыщенно, что способен вызвать сопереживание у читателя.

Такой лиро-эпический герой у Степана Торбокова остался от его деятельности кайчы, лишь была усилена лирическая струя. Т. е. его поэзия лиро-эпична по своей природе, она экстравертивна, направлена на внешний мир более чем на свой внутренний. Вот отрывок из стихотворения о лютном январе:

Однако красив ты, вот возвращаюсь я лесом,
еловые ветки в снежных шубах сидят –
как будто зайцы – вверх по дереву тесно,
и на меня доверчивым взглядом глядят.
Но стоит ветру верткому объявиться,
холодным порывом выскочить исподтишка,
как тут же зайцы наземь стали валиться
и разбиваться, гибнуть в моих ногах.
Погибли, видно, не все, один – настоящий – заяц
помчался вдруг от ног моих юрко прочь,
то будучи виден среди снега, то с ним сливаясь,
и скоро исчез в поземке – призрак точь-в-точь.

Мы думаем, что и человек нашего века найдет в поэзии Степана Торбокова много для себя нового, интересного и полезного, узнает что-то свое в его поэтическом мире, почувствует свою сопричастность этому удивительному миру, а также – к миру шорского фольклора. Переводы собранных Степаном Торбоковым фольклорных произведений тоже представлены в данной книге.

Итак, читатель, в добрый путь.

*Г. В. Косточаков,
секретарь Союза писателей России,
доцент Кузбасской государственной
педагогической академии*

Я рад своей судьбе

ОСИННИКИ

...Здесь давно угасло и забыто
Старое, кошмарное житье.
Вышла кверху золотая жила —
Черное ты золото мое!
Уголек!
Его рубают в лавах
Сыновья улусов кочевых...
Весть разносят о шахтерской славе
Поезда на линиях стальных.
И, стерев последний след бывшего,
Новый город засветил огни.
В полутьме предутренней
Лиловой
Манят, манят издали они.
Над пластом,
Над углем богатейшим
Станет завтра
Лучше, чем вчера!
Так сказал мне город мой любимый,
По-шахтерски выйдя на-гора.

КУЗБАСС

Среди высоких гордых гор –
Простор Кузнецкой котловины.
Синеют блюдечки озер,
Пестрят коврами луговины.
Вихрами дыбятся леса,
Пронзают небо стрелы кранов,
И заводские корпуса
Дымят, как трубки великанов.
Пусть о тебе, мой край родной,
Молва идет-шумит по свету:
В твоей богатой кладовой
Каких сокровищ только нету!
Не о цветах, друзья, пою,
Не о чащобах, где медведи, –
Слагаю песню я свою
О черном золоте, о меди!
Смотря в синеющую даль,
Хочу воспеть чугуны и сталь,
Что брызжет огненной струей!
Кузбасс! Ты дорог и любим.
Горжусь твоею красотой,
Твоею мощью, широтой,
Рабочим обликом твоим.

ГВОЗДЬ

Кожаный аил гвоздя не знал —
В кожаном аиле гвоздь не нужен.
Но однажды среди шорских скал
Кем-то пласт руды был обнаружен.

С той поры мы в кузнецы пошли
И ковали всячину привычно,
Лишь гвоздя изладить не могли —
Недоступен был тот гвоздь обычный.

Простоту обходят мудрецы,
Новые выдумывая вещи.
Подтвержденье — наши кузнецы,
А они-то слыли многих хлеще.

Так им долго не давался гвоздь,
Что наш брат и бросил, доведись бы.
Но в ту пору ставить им пришлось
Не аилы дедовские — избы.

И когда свели они внаклон
Первые пучки стропил раскосых,
Позарез понадобился он!
Но не гвоздь тогда сказали — «позых».

«Позых» — связка. Как найти ее?
Стали думать — получилось ловко:
«Надо длинный стержень, острие,
Плоскую широкую головку...»

Удивленно крякнули: «Растем!» —
Избы, покрываясь свежей дранью.
Тут и стал железный гвоздь гвоздем —
Так седое говорит преданье.

Я на том в поэзии стою:
Дай стихотворенье гвоздевое.
Думай, чем ты свяжешь жизнь свою
Накрепко с народной судьбою.

МУСТАГ

Стоишь ты в сердце Шории, Мустаг*;
Века ты молча простоял, Мустаг.
Но я – певец, я не могу молчать,
И про тебя я начинаю так.

– Родной Мустаг, кузнецкий великан,
Ты головой седой ушел в туман,
Тебе, Мустаг, нетрудно разогнать
Высоких туч зыбучий караван.

Сойдясь с тобой, разделятся они...
Оледенел вершин твоих гранит.
Как крепкий камень, стал хрустальный лед,
И на тебе столетьями лежит.

Сползают ледники с твоих боков.
Овес, что у подножия, – шелков.
Их у Мустага много, ледников,
Для бурных рек, для горных родников.

И в полнолуние северный твой склон
Высокою луной не освещен,
Сибирским солнцем в полдень не согрет...
Зимой и летом цепенеет он.

А с южной обогретой стороны
Все скалы, скалы нагромождены.
Медвежьи тропы лишь – дорог тут нет...
И катятся в ущелья валуны.

Родной Мустаг, Алып – хранитель руд,
Тебе молился раньше шорский люд.
Ты защищал от барского зверья,
Не отдавал тюремщику под кнут.

---

* Мустаг – Ледяная гора.

Ты видел все, Мустаг, и между тем
Был околдован, оставался нем.
Ни перед кем о том не промолчу,
Что песней пробудить тебя хочу.
К земле, Мустаг, поближе приклонись
И, что там вдалеке, послушай... Чу!

Ты слышишь океанскую волну,
Ты слышишь и заморскую страну.
Там недруги страны моей. Они
Рвут атомною бомбой тишину.
Проснись, Алып, и панцирь свой надень,
Стальной надежней зятяни ремень,

Скажи, Мустаг: «На Родине моей
Не перевелся род богатырей,
Нам можно руку дружбы протянуть,
Но подходить с мечом – никто не смей».

* * *

Знаменитый Мустаг, по преданью,
Великан, легендарный герой,
Что однажды, предутренней ранью
Стал навек ледяною горой.
Отчего он застыл – неизвестно,
Только знаю: Мустагу с тех пор
Стали в нашем краю повсеместно
Поклоняться все жители гор.
Им казалось: все сделать он в силе.
Все, о чем ни попросишь его...
То ружье у Мустага просили,
То седло для коня своего.
У подножья его ежечасно
Счастья, радости кто-нибудь ждал...
Но молчал великан безучастно,
С ледяным равнодушьем молчал.
Чем поможешь им, если ты скован?
А помочь он, наверно, хотел.
От страданий, от горя людского
Он и сам, как старик, поседел.
Зря всеильным казался он людям,
Разуверились многие в нем:
«На кого ж мы надеяться будем?
В ком защитника-друга найдем?»
Проплывали года над тайгою,
Как седая гряда облаков...
Жили баи в довольстве, покое,
Гнули тяжким ярмом бедняков.
Лишь когда прогремел на «Авроре»
К новой жизни призывный сигнал,
Разогнали мы байскую свору,
И народ наш хозяином стал.
Сколько сил появилось, отваги,
Сколько света в избушке любой...
Не к Мустагу, не к скалам отвесным,
А к Москве лучезарной с тех пор

Стали в нашем краю повсеместно
Обращаться все жители гор.
Сбросить гнет мы вовек не смогли бы,
Не видали б весны без нее...
От души ей большое спасибо
За счастливое наше житье!

ДЕТСТВО

За лесами, за холмами,
В тишине снегов,
Мой улус коптил дымами
Душных очагов.
Выйдешь к лесу через реку,
Он – рукой подать.
Лай собачий, ку-ка-ре-ку
Только и слышать.
Поездов глухие стуки
В дали не вели,
Долетали эти звуки,
Как с другой земли.
Даже бабушкины сказки
В поздний час ночной
Слушал я не без опаски,
Был в душе слепой...
Помню игры: в хлопья снега,
Миновал овраг,
Штурмовали мы с разбега
Снежный Алтын-Таг.
Нету ловкости, отваги –
Лучше не берись:
Не бывать на Алтын-Таге,
Мигом сбросят вниз.
А всего родней и ближе
Радость той поры –
На упругих, легких лыжах
Мчать с крутой горы.
Даль заманчиво открыта,
Снег глаза слепит,
Бьется сердце следопыта,
Весело стучит!

ИЗБА

Жили мы когда-то в тесной юрте,
Разъедал глаза нам едкий дым.
О порядке добром, об уюте
И не снилось родичам моим.
На земле и ели мы, и спали,
Темный люд, слепая голытьба.
Но однажды в мир тоски, печали
К нам шагнула русская изба.
С четырьмя углами и трубою
Под тесовой крышей с потолком,
Светлая, пропахшая сосною,
Теплым полом – шлепай босиком.
Стали наши юрты вроде пугал
По сравненью с таким жильем.
Ходим в полный рост. В передний угол
Грамоты почетные кладем.
И душа поет, поет как птица,
Радуетя солнечной судьбе.
И не может счастье уместиться
Даже в этой праздничной избе.

МЕЧТЫ

Издrevле мечтал мой забытый народ
Достигнуть заоблачных вольных высот,
Не в сказке, а въявь на крылатом коне
Кружить над землею с орлом наравне.
Еще мой народ, что ютился у скал,
В подземное царство спуститься мечтал,
Злых духов оттуда изгнать, извести,
Бесценные клады в том царстве найти.
Исполнились думы. Смотри в высоту –
Там слышится гул серебристого «Ту».
Летит он дорогой прямой, как стрела,
Быстрее и выше любого орла!
И клады подземные в наших руках,
Мы их добываем в своих рудниках.
Не здесь, под землей, а за морем – айна*,
Которому снится все время война.
Сегодня народ мой мечтает о том,
Чтоб атом не вспыхивал адским огнем,
Чтоб в мире и дружбе все люди земли
Спокойное счастье навек обрели.
Далеко стремится в мечтах человек,
Да жаль – невелик человеческий век.
И все-таки много он может свершить,
Когда по-хорошему хочет прожить!

---

* Айна – злой дух, житель подземного мира.

КАЛТАН

Если солнце
Скатится с Саян, —
Нам рассеет
Сумерки
Калтан.
Выше леса
Три трубы ЮжГРЭСа.
Зарева пурпурная завеса.
Огоньки
Близки и далеки.
Хороводы
Водят огоньки.
Льется ток
Потоком,
А давно ли...
Захолустье,
Пустыри да поле.
Искрят волчьи очи
По ночам.
Узкое оконце,
В нем — свеча...
Нет теперь
В помине
Жизни той.
Яркий свет разлит
Над Кондомой...

ЕДУ ПО ЮЖСИБУ

На восток зовут нас светофоры.
Абагур остался позади.
Где-то здесь, недалеко от Шоры,
С двух сторон пробив тайгу и горы,
Встретились строители в пути.

Пролегли серебряные звенья,
И летят по ним на всех парах
Поезда, послушные велению
Машинистов, выросших в горах.

И осталась позади долина
С речкою порожиистой Мрассу.
Я гляжу на дикие вершины,
На тайги приволье и красу.

Островки березы белокорой
Омывает хвойный океан.
Расступились мраморные горы,
В утренний укутались туман.

То кипрей мелькнет, как на экране,
То нагроможденье диких скал.
То шиповник полыхнет багряней,
Чем зари рубиновый накал.

Бурелом глядит косматым лешим,
Кедрачи застыли в чутком сне.
Две седых горы – Шаман с Эзрешем –
Глухо прошумели в стороне:

«Ты на лыжах шел по этим скатам,
По маральим тропам проходил...»
Горы, и сейчас я здесь, я – рядом,
Только я Южсибом покатил.

Знал я вас отлогими, а ныне
Каменные вырваны бока...
Кабарга седая на вершине
Испугалась звонкого гудка.

Мчится поезд, и мелькают горы,
Машут в окна кедры по бокам...
Здравствуйте, хакасские просторы!
Здравствуй, добрый город Абакан!

РАБОЧИЙ ЛЮД

Все мы можем, все умеем,
Всякий труд для нас хорош.
На земле добро мы сеем —
«Что посеешь, то пожнешь».
В каждом деле без заминки
Настоим мы на своем:
Проторим в тайге тропинки,
Песню сложим и споем.
Наша сила, если надо,
Даже скалы сокрушит.
Для врагов она преграда.
Для друзей — защитный щит.
Дружат с нами лом и лейка.
Сцены блеск и стройки шум.
По плечу нам телогрейка
И бостоновый костюм.
Вот какой мы, люд рабочий!
Наших дум живой костер
Озаряет сумрак ночи
И космический простор!

РУКА ДРУЖБЫ

Помню мрачную, слепую,
Беспросветную тайгу.
Человек в ее чащобе
Был иголкой в стогу.
Заблудиться, потеряться
Мог ты в ней в полдневный час.
А ночами тьма мерцала
Угольками хищных глаз.
Не искал тропинок торных
Наш охотник-следопыт.
Редко слышал в сонном царстве
Шум шагов и стук копыт.
Сам прокладывал дорогу
В буреломе, в пихтаче,
Одинокий, как бродяга,
С гибким луком на плече...
Так плутал бы и поныне,
Коротал кой-как свой век,
Но пришел однажды в горы
Добрый русский человек.
Подавал дружескую руку.
— Будем братьями! — сказал. —
Вместе сделаем счастливым
Этот край лесов и скал.
— По какой земле ты ходишь! —
Молвил шорцу русский брат. —
В ней без пользы пропадает
Не один бесценный клад.
Не топчи свои богатства.
Ты хозяин им. Владей!
С той поры тайга глухая
Стала другом для людей.
Погляжу теперь на запад —
Домен жаркие огни.
Как разлив зари вечерней,
Ярко плещутся они.

На восток с улыбкой гляну –
Там огней бесчисленный рой.
Это юный Междуреченск
Светит утренней зарей!

ДОМ-ДОМИК

Домик старого улуса.
Кто считал его года?
Приютился под скалою
Он неведомо когда.
Скособочился, согнулся,
Потемнел и покосел.
Самому, небось, на диво,
Почему еще я цел?
Как-то утром спозаранку
Много видевший старик
Встрепенулся удивленно,
Смотрит – едет грузовик.
А за ним другой и третий
Приближаются, урча.
Навалили по соседству
Груды плах и кирпича.
От строительного шума
Ветхий, старый задрожал.
Так бедняга испугался,
Если мог бы, – убежал.
Умереть кому охота?
Из последних сил старик
В землю бревнами вцепился,
Крепким боком к ней приник.
Дни и ночи проходили.
Рядом с ним, со стариком,
Вырос юноша-красавец –
Двухэтажный новый дом.
Много в нем цветов и песен.
Много комнат и квартир,
Старый мир – в тени угрюмой.
Весь на солнце – новый мир.

АСФАЛЬТ В ТАЙГЕ

«Торная» – не то, пожалуй, слово.
Это просто нет бугров и ям,
Нет, по мхам таежного покрова
Гладкий путь проложен, тверд и прям.

С Алатау каменного горцы –
Славный и общительный народ –
В голубой автобус сели шорцы:
Тот – охотник, этот – зверовод.

Девушка в цветастом легком платье,
Дедушка, что трубочкой дымит,
Не нахвалятся дорожной гладью,
А мотор гудит, гудит, гудит.

Елки островерхие на склоне,
Белые березоньки в логу
Грациозно замерли в поклоне.
Добрый путь, мол, вам через тайгу!

А асфальт под солнцем так и льется,
Ластится, лощеный, к колесу.
Рядом в гриве пенистой несется
Кобылица дикая – Мрассу.

Я в восторге от такого рейса.
Пью всей грудью аромат весны.
Кланяюсь сибирским эдельвейсам –
Бело-белым лютикам лесным.

Но, приемля красоту природы,
Восхищаясь быстрой ездой,
Я представил, как в былые годы
Шел здесь люд тропинкой кочевой.

Подгонял кыштымов* окрик бая,
Опускалась с плеткою рука.
В ложном блеске золота, рябая,
Насмехалась шумная река.

Молодые этого не знают...
И не надо. Вот он, новый путь!
Он не зря тайгу пересекает —
Подошла пора ее встряхнуть.

Едет комсомольская разведка.
Песня голосистая зовет...
Я и сам по зову пятилетки
Еду строить молодой завод.

---

* Кыштым — носильщик.

ДРУГ ТЫ МОЙ, ЧЕЛОВЕК

Как-то ехал я в поезде.
Утро было. Весна.
Одинок в раздумье
Я стоял у окна.
Поднимались и падали
За окном провода.
Мчались колки зеленые
Неизвестно куда.
То поля проводили,
То кружилась тайга,
То коврами цветными
Застилались луга.
Вдруг как будто из жалости,
Что и стар я, и сед,
Неизвестная девушка
Подает мне букет.
О, с какой благодарностью
Я взглянул на нее!
Переполнилось радостью
Сразу сердце мое.
И невольно припомнился
Мною прожитый век.
Где б я ни был — ты рядышком,
Друг ты мой, человек.
Всюду горе и радость
Я встречаю с тобой,
Согреваюсь теплом твоим,
Локоть чувствую твой.
За любовь, за внимание
В мирной жизни, в борьбе,
За сердечность безмерную
Слава, слава тебе!

БОТИНКИ

Какая нарядная девушка-шорка!
Цветка лугового красивой, светлей.
Косынка из шелка и платье в оборках.
А главная радость – ботинки на ней!
Когда-то, мне помнится, в обуви этой
Лишь байские дочки могли щеголять,
А лучшей красавице, бедно одетой,
В шарыках одних приходилось гулять.
По снежному насту, по грязной дороге
Ступала в шарыках лихая нужда.
Насквозь промокали в них девичьи ноги,
Чтоб после простуды застыть навсегда.
Я славлю не туфли – простые ботинки,
Что нынче на смену буткам пришли,
Шагайте смелее по горной тропинке
И лаком сверкайте в цветочной пыли!

АГРОНОМ

Кто в полях все время словно дома,
Кто во ржи там скрылся с головой?
Окликаю Асю-агронома:
– С добрым утром, лекарь полевой!
Но она с ответом медлит что-то,
Растирая в пальцах колосок.
На лице, как облачко, забота,
Светлый взор, как озеро, глубок.
Брови Ася вскинула крылато,
Рассмеялась:
– Лекарь? Вы правы.
Но уж больно трудная палата
Мне досталась... Много в ней травы.
Рожь слаба – брала сейчас я пробу,
И пшеница вышла ей родня...
Угоди на каждую особу!
Нет, неважный лекарь из меня...
Утешать? Зачем? Ума и воли
У нее самой – хоть отбавляй.
Год пройдет – на этом трудном поле
Стопудовый будет урожай.

СОСЕД

Этот сказ бытует много лет:
Если ты задумал строить дом,
Разузнай, кто будет твой сосед,
А уж после действуй топором.
По себе мы знаем – мудрый сказ,
Отрицать никак его нельзя.
Было время: каждого из нас
Окружали банды и князья.
Не имея дома своего,
Шорский люд терпел такой удел.
Не пенял, что волком на него
Мир богатых искоса глядел.
А теперь другой у нас сосед.
У него хороший, добрый взгляд.
Дарит нам и ласку, и привет
Наш спаситель старший, русский брат.
Если я решу построить дом
И соседа выбрать захочу,
Без оглядки звонким топором
По смолистым бревнам застучу.

МИР

Повстречался мальчик черноглазый.
Лет шести, задира из задир.
Удивил меня короткой фразой:
– Дяденька, а что такое мир?
Промолчишь в ответ – обидой ранишь,
Говорю с улыбкой малышу:
– Все узнаешь – старым скоро станешь.
Ну, а впрочем, слушай. Расскажу.
Посмотри, как солнышко лучится,
А людей на улице не счесть.
Смех веселый. Радостные лица.
Все спокойны... Это мир и есть.
Папы дома нету – на работе.
– Кто он, знаешь?
– Знаю. Бригадир.
– Ты одет. Обут. Здоровый малый,
Молоко и яйца можешь есть.
Может, не с того совсем я края
К объясненью мира подступил,
Но малыш сказал мне: – Понимаю,
Понимаю, – тихо повторил.

«ПОТОМ» И «СЕЙЧАС»

Вот побасенка про слова
Ленивого анчы*:
— Из тысяч слов я только два
Всех тверже заучил.

Бывало, от игры ребят
Не отогнать кнутом.
«Иди-ка в юрту!» — мне кричат,
А я кричу: «Потом!»

Но если стол накроет мать,
Наставит вкусных яств,
Меня к столу не надо звать:
«Я живо! Я сейчас!»

«На водопой коров сгоняй!»
«Потом!» — а сам забыл.
«Сходи-ка в бабки поиграй!»
«Сейчас!» — и след простыл.

«Садись за азбуку, малец».
«Потом! Потом! Потом!»
А годы шли, и, наконец,
Вихор под потолком.

Я взрослый парень, и с ружьем
В тайгу бы мне как раз,
Но все же я в тайгу «потом»,
А к девушкам — «сейчас».

«Дровишек надо нарубить».
«Потом я насеку!»
«Давай, дружок, араку пить».
«Сейчас, сейчас, бегу!»

* Анчы — охотник.

С тех пор привык я всякий раз
Пренебрегать трудом.
В любой забаве я – «сейчас»,
В работе я – «потом».

Жалел отец, жалела мать,
Жалела вся родня.
Кому же было вышивать
Безделье из меня?

«Сейчас» – и шел я на обед.
«Потом» – и в деле квел...
Лентяй умолк. Лентяя нет.
Лентяй от нас ушел.

Но ты, дружок, его рассказ
Запомни. Он о том,
Что надо отвечать «сейчас»
И позабыть «потом».

ЛЮДИ РАЗНЫЕ

Разные на кедре
Шишки мы найдем,
Так, браток, и люди
Разные во всем.
Этот злой и хмурый,
Страшно подойти,
А в беде все бросит,
Чтоб тебя спасти.
Тот по виду славный,
На добро горазд.
А помочь попросишь –
Пятака не даст.
И такой бывает –
Горе с ним и смех –
Всех-то он порочит,
Осуждает всех.
Сам одно лишь знает –
Ложку да лакать
Да в селе известен
Тем, что языкат.
Чтобы жизнь без пользы,
Даром, не прошла,
Будь скупым на слово,
Щедрым – на дела.

СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Она встает задолго до зари.
И вот перо в тетрадные клетки
Свой красный след впечатывает: «три»,
«Четыре», «пять» – привычные отметки.
Иной листок и с «двойками» знаком.
Сказать по правде, трудно шорским детям
Владеть великим русским языком.
Не легок он. Видать по «двойкам» этим.
С тугим портфелем, в шали пуховой
Идет-спешит учительница в школу.
Осколок лунный тает над тайгой,
Морозец жжет, скрипит снежок веселый.
Вот и крыльцо. И веник у крыльца.
Темны окошки. В классе пусто, тихо,
Лишь в коридоре, сонная с лица,
Уже гремит дровами сторожиха.
А через час врывается галдеж,
Смех, говор, топот, хлопанье ладош...
Поет звонок залиvisto и хлестко.
Путей далеких первые штрихи
Рождает ты, учительское слово.
То слышат дети Пушкина стихи,
То видят образ мудрого Толстого,
То говорят с бессмертным Ильичем,
Как с лучшим другом, близким человеком.
Разбив врагов на озере Чудском,
На Марс летят, идут по темным штрекам.
Один в мечтах – военный командир,
Другой – матрос на китобойном судне.
Здесь, за окном он, сказочный тот мир –
Страны советской радостные будни!
– Нет, я на Марс не думаю летать, –
подруга шепчет шустрая, Наташа. –
Мечтаю я учительницей стать,
Такой же умной, ласковой, как наша...

НОВОКУЗНЕЦК — АБАКАН

Скрылся город в синей дали,
Поезд мчит на всех парах.
На восток по звонкой стали
Еду я в родных горах.
Электровоз кричит победно,
Вьется рельсов полоса,
Горы ухают. Ответно
Отзываются леса.
Будто сетует природа
После дремы вековой,
Люди, что у вас за мода —
Нарушать земной покой?
Мало вам в степях размаху —
В дебрях зверь от вас беги!
Для чего нагнали страху
На хозяина тайги?
Это верно, что медведям
Мы покоя не даем.
Не всегда, однако, едем —
С бою каждый шаг берем.
И бегут, гремят составы.
И спешат на них взглянуть
Скалы — памятники славы
Тем, кто строил этот путь.
Вот Курла стоит, кивая,
Робко пятится Эзреш.
Эй, громадина стальная,
Ты хоть нас-то не разрежь!
То минуем буераки,
То озерный сонный плес,
То в тоннеле в полумраке
Раздается дробь колес...
Вот и степь легла, желтая,
В ней комбайны-корабли.
Гладь красавца-Енисея
Синью вспыхнула вдали.

СЧАСТЬЕ СТАРОГО УЧИТЕЛЯ

Я был душою в мире строчек.
Наш поезд скорость набирал.
Вошел в купе высокий летчик,
Взглянул и «Здравствуйте!» – сказал.
Потом спросил: «Не узнаете?»
– Да, что-то облик ваш знаком.
Не раз встречались где-то, вроде.
«Я был у вас учеником!»
И он подсел на полку с краю,
Назвал фамилию свою.
– Да, да, – я память напрягаю,
Но все равно не узнаю.
А летчик-то, что так далеко,
Уже с улыбкой вспоминал,
Как я прогнал его с урока,
Когда он «голубя» пускал,
И как во время перемены
Я наказал, чтоб мать привел...
Знать, озорник он был отменный,
А вот теперь – пилот, орел!
Ему широкий тесен китель,
В петличках – небо предо мной.
И счастлив я, его учитель,
Как будто это сын родной.
Как часто, встретясь с молодыми,
«Не узнаете?» – слышу я.
И не всегда я помню имя,
Но это все моя семья!
Они учительствуют в школе
И укрощают бег реки.
На стройке, в цехе, в штреке, в поле –
Везде мои ученики.
И ничего, что не по лицам,
А по делам в родном краю,
Как наше небо – по петлицам,
Я их сегодня узнаю.

СНЫ

Не раз, не раз я вспоминаю жизнь былую...
Когда-то я, признаться, верил снам.
Увижу, скажем, — девушку целую:
— Отец, — кричу, — удача будет нам!
Найдем сегодня соболя в капкане!
— Что видел ты?
— Красавицу одну...
И шли в тайгу мы, радуясь заране,
Глядь, вот и соболя. Как не верить сну?
Вода приснится — значит, к непогоде,
Горячий камень — к солнечной погоде,
А что еще мне, близкому к природе,
Могло тогда присниться на заре?
Я до сих пор бы верил в это чудо,
Но часто сны обманывали нас.
— Сегодня я два соболя добуду, —
Сказал отец однажды в ранний час.
Пришли на место — нет зверька в помине.
— Хозяин гор недобрый нынче к нам, —
Вздыхнул отец и по такой причине
Стал воздавать моление горам.
Он угостил их даже абырткою*,
Но и назавтра соболя не пришел.
Хозяин гор, видать, махнул рукою
На следопытов, ухом не повел...
Сильна во мне любовь к родному краю,
Он весь в огнях, неузнаваем, нов.
Что мне приснится ночью — я не знаю,
Но знаю: жизнь прекрасней всяких снов!

* Абыртка — напиток.

МОЙ ИСТИННЫЙ ДРУГ

По разным тропинкам блуждали
Мальчишечья наши года.
Таежные хмурые дали
Лежали меж нами тогда.
Ни след, ни лыжня у сугроба
Никак не сходились во мгле,
Хотя следопытами оба
Росли на одной мы земле.
Лишь в юности тропки скрестились
При свете октябрьских лучей.
Без клятвы мы с ним подружились,
И не было дружбы прочней!
Он мне оказал не услугу –
Отвел он от парня беду.
Навек благодарен я другу
За путь, по какому иду.
Бывало мне трудно порою,
Но дружбы светил огонек,
Когда, окружен детворою,
Ступал я за школьный порог...
И вдруг со змеиной головкой
Мелькнул человек на пути.
Наветом, хитрейшей уловкой
Сумел он друзей развести.
Надолго я стал сиротою,
Как будто остался без рук...
В морщинах, с седой головою
Недавно вернулся мой друг.
– О, Яков Кузьмич! Не мечта ли?
Не тень ли твоя предо мной?
Живым уж тебя не считали,
Ну, здравствуй, – родной!
Взволнован сердечным приветом,
Всем руки признательно жмет.
– Ну, как ты?
– Не стоит об этом,
Живой я! Что было – не в счет.

МАТЕРИ

В народе есть представленья одно,
Как вспомню, болезненны строки:
«Жена — пред тобой, дитя — за спиной,
А мать — где-то сбоку».

Нет, маму свою я совсем не забыл,
Всегда ты вниманьем отмечена,
С тобою рядом дорога моей судьбы,
Первопрестольная моя женщина!

Лишь недостаточно всё, неполна
О матери наша забота любая.
И вновь тропой постаревшего пацана
Спешу я к тебе, моя дорогая!

Ты девять месяцев творила меня,
Рожала в непостижимых мученьях,
Тобой и всю жизнь создавался я!
Творца своего как забыть — творенью?!

Не делимы тобой жизнь и труд,
Их крепко любить ты и меня научила.
Целую руки твои, в них — уют
И миротворящая нежная сила!

Ты говорила, просты мы, тихи,
Пусть пишут поэты, мы им неровня.
Но мир изменился, стал я писать стихи
О том, что люблю и что помню.

Я помню, ты часто меня на замок
Закрыв, одного в избе оставляла,
Плакала, что-то шепча на порог,
На поле, чтобы работать, бежала.

Голодная, помню, была пора,
В одежде ты прятала зерна, тайной
Тропой вся красная шла, но не раз
Все раскрывалось перед хозяином.

Мне любо, что время иное пришло –
Колхозными стали поля и славными.
В твоих руках сплоченное наше село,
При этом средь равных ты равная.

Свою любовь земле отдаешь теперь,
Колосьям общего поля. Сегодня
Другая мать – мать-земля – в ответ тебе
Протягивает зерна в своих ладонях.

А ты даешь этот хлеб всем, кто беден,
О детях прежде всего беспокоясь.
И мать-земля, и Родина-мать в тебе
Соединились, мама, в один великий образ!

И этот образ – нового времени дар,
И он из времени творит эпоху!
Уверен, каждая мать теперь и всегда
Не будет для детей – где-то сбоку!

Прошу, живой и здоровой будь,
А я приеду – как было обещано.
Кланяюсь низко тебе за жизнь и судьбу,
Первопрестольная моя женщина!

ПРОВОЖАНИЕ МАТЕРИ

Надела малина весенний наряд,
И пчелы над нею летают, жужжат.

И даже их дымом нельзя отогнать:
Настала пора им нектар собирать.

О мать! Ты ужели свой век прожила?
Смотри, сколько света кругом и тепла!

Поет и смеется любой человек,
А ты это все покидаешь навек!..

Засохнет малина в зеленом саду –
Другие цветы себе пчелы найдут.

Их много приносит на землю весна,
А мать во всем мире для сына одна!

Природа ликует, одевшись в тепло,
Но холодом сердце твое занесло.

И света лавины льет солнце, трубя,
Но сумрака полны глаза у тебя.

Нежнее весны ты ласкала меня
И солнца сильнее согревала меня.

Ты всю свою жизнь посвятила труду –
И я по такой же дороге пойду.

Так спи, дорогая, покой твой храня,
Осталась еще одна мать у меня –

Ей Родина имя. Свои мне сейчас
Она и заботы, и ласки отдаст.

ДОННЫЙ ЛЕД

Холодна со дна река. Встает
Из пучины сонной донный лед.

Донный лед... Он слитками плывет;
Рыбы поглядели бы сквозь лед,

И в плавучем грузе им со дна
Видны были б солнце и луна...

Сердце горячей реки. А все ж
Есть в нем лед. На донный он похож.

Как развеять огорчений дым,
Чтобы сердце стало молодым?

Донный лед весной с реки уйдет —
Остается в сердце донный лед.

* * *

На пенсию уходит Якучи.
Хозяйка, попроворней хлопочи!
Смотри, уже друзья подходят к дому,
Стекаются, как шумные ручьи.

Да, много раз он слышал весен шум...
Покорно тих от невеселых дум,
Не торопясь, подходит к гардеробу
И достает свой праздничный костюм.

Ну вот, и ты у старческой межи,
Стрелок отменный, скромный шор-кижи,
Но отчего так громко бьется сердце?
Поет оно. О чем поет? – скажи.

О том, что есть у старости оплот –
Страна Советов, где любой народ
По одному теперь живет закону,
Где жизнь его светлей из года в год.

Иным он стал, забытый богом край,
Где к беднякам на знал пощады бай!
Пока здоров, дерет с тебя три шкуры,
Чуть ослабел – ложись и помирай...

А ну-ка, внучка, радио включи.
Пусть на лице морщинки, как лучи,
Разгонят грусть, затеплятся в улыбке.
На пенсию уходит Якучи!

ЗАКАТ

Вечернею синью прижат
К вершинам темнеющих елок,
Горит над горами закат,
Бросая свой свет на поселок.
Из клуба в открытую дверь
Доносится голос баяна...
Счастливая юность теперь!
Стройна, ясноглаза, румяна,
Всё есть на земле для нее —
И дело, и цель, и дорога.
А я уже сделал свое,
Смотрю на веселье с порога.
Как солнце в иные края
Ушло не спеша, закатилось,
Так бедная юность моя
За далями времени скрылась.
Но солнце назавтра взойдет,
Лучи по горам разольются.
Лишь свой не увижу восход:
Далекие дни не вернуться.
Ну что же. Нет в сердце обид,
Оно, как и прежде, крылато.
Пускай молодых озарит
Мой вечер лучами заката!

Я РАД СВОЕЙ СУДЬБЕ

Ворвался, помню, грозный ветер,
Великий вихрь творил набег:
Стволы разламывал — не ветки,
Течение изменял у рек.

Тот ветер завершился тишью,
Счастливой тишью для труда.
К простому человеку, вижу, —
Заходит солнце и мечта!

Как много горя пережили
Народ и каждый человек!
Знать, потому такая сила —
Пожить светлей свой краткий век.

Я рос голодным сиротою,
Бескрылой будто птицей рос.
Теперь — согрет страной родною
И всем другим мой равен рост!

Я о свободе и не ведал,
Я угасал в своей глуши.
Теперь — моя земля медведя
Для дум открыта и души!

Мне памятен мой дымный одаг,
Грязь, безысходность, сон — как бред.
А ныне кажется, что вот я —
Родился вновь на этот свет!

В штанишках рваных, босоногий,
Я досыта отведал зла.
Теперь — не нищий, не убогий,
Еще б — года вернуть назад!

Но не вернуть года обратно.
И потому душа порой,
Пусть мимоходом, пусть невнятно,
Но вспомнит,
Вспомнит мрак былой.

Не вспомнить невозможно, ибо
То – юность свежая была.
Жизнь нынешняя, счастливая,
Пораньше, раньше бы пришла!

Но все равно я рад!
За новый
Строй жизни и за жизнь потом –
Тружусь и в бой идти готов я!
Уже сражаюсь я – стихом.

МОЙ ПРОЩАЛЬНЫЙ ТОСТ

Мой прощальный тост за молодежь,
Новый год ведь на нее похож.
Так пускай все будущие дни
В мире дружно царствуют они.
Я старик, пора мне на покой.
Всех я согревал своей рукой.
Вы делам поверьте, не словам,
Оставляю все на счастье вам.
Синь небес, где звездный карнавал,
Где земляк Леонов побывал.
И тайгу, где лесовоз гудел,
И поля, где колос шелестел.
Вам судить, хороший иль плохой
Был старик, идущий на покой.
Но каким бы ни был я, друзья! —
Счастья, мира вам желаю я.
Старый год исчез в полночной мгле,
Новый год уж на родной земле!
Он идет, румяный, молодой,
С новой песней, с новой мечтой!

БАМАДА О БРАТЬЯХ

Городов в Кузбассе очень много.
Об одном из них упомянул я –
Об улусе бывшем Тагдагале,
Что зовут Осинниками ныне.
Все у нас про город этот знают,
Да не всем, я думаю, известно,
По какой причине он заложен
И кому обязан доброй славой.
Жили здесь когда-то Мигашевы,
Константин, Иван – родные братья.
Отличались братья трудолюбием,
И умом пытливым, и смекалкой.
Кто-то машет тоненькой литовкой,
Обливаясь потом на покосе.
А у них, смотри, – сенокосилка
Режет, бреет травы луговые.
Мигашевы первые в улусе
Раздобыли умную машину.
Но хлопот порядком с ней, однако,
Больно их помощница капризна –
Час в работе, десять на ремонте.
У соседей в кузнице ночует.
А еще – с углем всегда нехватка.
Без угля какая тут поковка?
Мчись за ним в Абашево куда-то,
До него неблизкая прогулка...
Раз под вечер, летнею порою
На крылечке братья отдыхали.
Стал Иван раздумьями делиться,
– Знаешь, брат, в овраге за Шачхылом
Я заметил россыпь черной сажи.
Что такое? Может быть, там уголь?
Константин охотно согласился:
– Может быть. Я тоже это видел,
По весне черна вода в овраге.
А давай, проверим, покопаем.

Тут же встали и с кайлом, с лопатой
Зашагали в рощи, к шоолаху*.
Долго там усердствовали братья.
Пробивали шурф, долбили землю.
А когда камнями нагрузились
И в улус, счастливые, вернулись,
Зашумела байская верхушка,
На находку братьев глядя косо:
– Где айну такую разыскали?
На беду самим себе и людям!
Ой, как худо будет в Тагдагале.
Но не стали братья слушать баев.
Побывали в городе Кузнецке,
Где совет хороший получили. –
В управленье горное об этом
Написала их сестра Маруся.
Дым и пламя в кузнице соседа,
На ходу опять сенокосилка.
Время. Про письмо давно уже забыли.
Вдруг однажды – гости на пороге.
– Здесь живет семейство Мигашевых?
– Здесь, – сказали братья. – Проходите.
Растерялись, – гости непростые:
Для разведки недр земных явились.
Так вот был построен новый город
Не на горе людям, а на радость.
Горевали, злились только баи,
Что у них поденщиков не стало.
Тот, кто день и ночь на них батрачил,
Под землей трудился нынче в шахте.
Высоко взлетала слава братьев
В бывшей штольне, названной Елбанью.
Первый пласт открыт был Константином.
Сам погиб он на войне гражданской:
От бандитской пули пал героем.
Утекло воды с тех пор немало,

* Шоолах – овраг, рытвина.

Не слышать нигде про Мигашевых.
Будто их и не было на свете,
Будто жизнь прошла у них бесследно.
Я пишу об этом не случайно:
Почему легко мы забываем
Имена, которыми по праву
В наши дни могли бы мы гордиться.

«За уголь», 1960, 3 июля, N 79

Голос гора

* * *

Шестьдесят косичек в конской гриве –
Тем похож на девушку Игренька.
Конь и всадник – полетим, как птицы.
Не крылаты, что ли, мы, Игренька?
А когда под кай-комус Торбоков
Песнею затронет вас глубоко, –
Скажете: в шестнадцать весен парнем
Кажется седой кайчы Торбоков.
Пятьдесят косичек у Игреньки,
Тем похож на кыс* он молодую.
И крылат он, будто птица беркут.
Сяду на него и полечу я.
Но когда возьму комус я звонкий,
Будет струнный бой – быстрее Игреньки.
Покажусь в семнадцать весен парнем
Я, охотник и кайчы Торбоков.

---

* Кыс – девушка.

ГОЛОС ГОР

На своем наречье старом
Каждый день с утра
Разговор ведет с Мустагом
Огудун-гора.
Молча слушают деревья
Тихий разговор.
Скреплена поверьем древним
Дружба этих гор.
– Мы с тобой родные братья, –
Говорит Мустаг, –
Реки нас берут в объятия –
Их вода чиста.
– Сто ветров над нами пели,
Ухала гроза –
Мы от горя поседели, –
Огудун сказал. –
От людской слезы горючей
Дивной красоты
На скалистых наших кручах
Выросли цветы.
Знаю, вспоминают горы
Давние года.
Потому не стану спорить
С ними никогда.
Я стою на горном склоне,
Сын счастливых дней.
Светит солнце над зеленой
Шорией моей.

* * *

В Кандалепе, земле отцовской,
У реки шестьдесят перекатов.
Сын Торбокова знает песни
Всех шестидесяти кайчы.
В Кандалепе, земле материнской,
У реки есть семьдесят плесов.
Знает песни Торбоков-парень
Всех семидесяти кайчы.

ПЕСНЯ ОХОТНИКА

На твои, Алатау, вершины
Я на белом взбирался коне.
А спускался в родные долины —
Сам седло приносил на спине.

И на сером коне, в бездорожье,
Я на синий взбирался таскыл*.
А когда возвращался к подножью, —
Сам седло на себе приносил.

Под комус припомню лишь ныне
Я о белом коне удалом.
Он остался в снегах на вершине,
И бедро его стало холмом.

---

* Таскыл — высокая скалистая гора.

ПЕСНЯ НАЕЗДНИКА

Мой скакун, товарищ мой,
Неразлучный мой конек,
Ты, как вихорь огневой,
Ты – как пенистый поток.

Грива золотая лентой перевита,
На уздечке тонкой удила стальные.
Цокают копыта, звонкие копыта,
Обгоняют ветер скакуны степные.

Береги добро отар,
Охраняй родной табун.
Ни мороз тебя, ни жар
Не удержат, мой скакун.

Много-много нам дорог
В ковылях седых лежит.
Цок да цок, цок да цок,
Конь бежит – земля дрожит.

Грива золотая лентой перевита,
На уздечке тонкой удила стальные.
Цокают копыта, звонкие копыта,
Обгоняют ветер табуны степные.

ПОРОГ НА МРАССУ

Пел народу кайчы
Про таежную реку Мрассу,
Про ее серебро,
Про ее непокой и красу,
Как великий Ульген
Приказал ей бежать под утес
И седой Огудун
Погляделся в опаловый плес.
Погляделся и сердится,
Камнями в воду плюет:
Словно муха по зеркалу,
Салик по речке ползет.
И рыбачка на салике
Гребью* поток шевелит.
Вал от гребя идет
И горы отраженья рябит.
Разозлилась гора
И обрушила вниз полскалы.
Поглотили рыбачку
Мрассу ледяные валы.
Но и зеркала тоже
Не стало у каменных ног:
Огудун опрометчивый
Сделал на речке порог.
Но легко ль обуздать
Непокорную удаль Мрассу?
Бьются волны о щеки
И каменный пояс грызут,
И песчинками точат
Порога крутые бока...
Снова в прежнее русло
Вступила однажды река.
Но утратили воды
Зеркальную тихую гладь.

---

* Гребь – весло.

Разъяренной медведицей
Вечно реке бушевать.
Вечно брызги швырять
Огудуну седому в глаза,
Вечно пену крутить
И браниться на все голоса.
И такая на этом
Пороге всегда быстрина,
Что протащит по дну
Стопудовые камни она.
И такой над порогом
Рокочущий грохот и гром,
Что и крик различают
Здесь люди с великим трудом.
От такого соседства
Совсем постарела гора...
Но поставили мы
На свирепой Мрассу туера*.
Карбаса и моторки
Снуют через дикий порог.
Огудун не швыряет
Гранитных обломков в поток.
Мы сказали Мрассу:
— Не бушуй и валы не мечи... —
Это пел плотогонам
К стоянке пришедший кайчы.

---

* Туер – самоходное речное судно для буксировки других судов.

ГОВОР КАЙ-КОМУСА

Выпью чарку вина.
Голова хмельна,
Возьму кай-комус,
Веселье в дому,
Эх, эй-е!
Заходи, человече, —
Праздник у нас,
Хариусы в печке,
Пускаются в пляс,
Эх, эй-е!
Из тайги охотник
С добычей пришел,
От еды сегодня ломится стол,
Эх, эй-е!
Гости раздеты,
Сидят за столом,
Эй, хозяин, где ты?
Давай споем,
Эх, эй-е!
Скажу без утайки,
Хотя и грешно,
Молода хозяйка —
Сладкое вино,
Эх, эй-е!
Играй, кай-комус,
Подпевай песне.
Кто не пьет, тому
За столом тесно,
Эх, эй-е!
Кай-комус, играй,
На душе легко.
Слава богу, до утра
Ой, далеко,
Эх, эй-е!

ЗВОНКИЙ ВОЛОС

На комусе моем тугой натянут волос.
Вторит волосу кайчы гортанный голос.
Пальцы бегают по струнам.
Опьянен народ оюном*,
Каждый клонится к сказителю, что колос.
Что ты делаешь, кайчы седоголовый?
У тебя не кай-комус — скакун соловый.
И крылат он, будто птица,
Мигом сердце вдаль умчится.
В чародействе и мелодии, и слова.
Занял волос у солового я тая**.
Мой скакун теперь — струна моя витая.
Разбежится по досточкам,
По березовым мосточкам,
И пойдет со звоном иноходь крутая.

Кай-комуса звень все громче раздается.
Вам не хочется такого иноходца?
Не осилишь переборов —
Вмиг его узнаешь норов.
А объездишь — легкой птицею взовьется.

---

* Оюн — празднество, гулянье.

** Тай — жеребчик-двухлеток.

ДУША ЗОВЕТ

Душа зовет – не к дальним странам,
А к Алатау, чтоб опять
У ледников седым туманом
И вольным ветром подышать.
Зовет душа к речным истокам,
Туда, где шумный водопад
Летит сверкающим потоком,
Веселых брызг подняв каскад.
Хочу туда, где соболь юркий
Рвет клочья птичьего пера.
Когда-то там считал ты шкурки
При свете яркого костра.
Ты стар. В желаньях мало толку,
И все же многое отдашь
За то, чтоб снова взять двустволку,
закинуть за спину ягдаш.

РАЗДУМЬЕ

Молчат, призадумались горы,
Но снова, в который уж раз,
Я слышу немые укоры:
Напрасно забыл ты о нас!

Родные мои, не корите,
Не мог я забыть вас, не мог,
Хоть нет уже силы и прыти
Взбираться на дальний отрог.

Ни вами, ни мной не забыто,
Что давней, минувшей порой
Такому, как я, следопыту
Был соболь доступен любой.

Года прошумели и скрылись,
Другие анчи на виду.
С годами и вы отделились,
Теперь я до вас не дойду.

Не сетуйте, други, не надо —
Два раза не быть молодым.
Мы рады цветению сада,
Где жить поколениям другим.

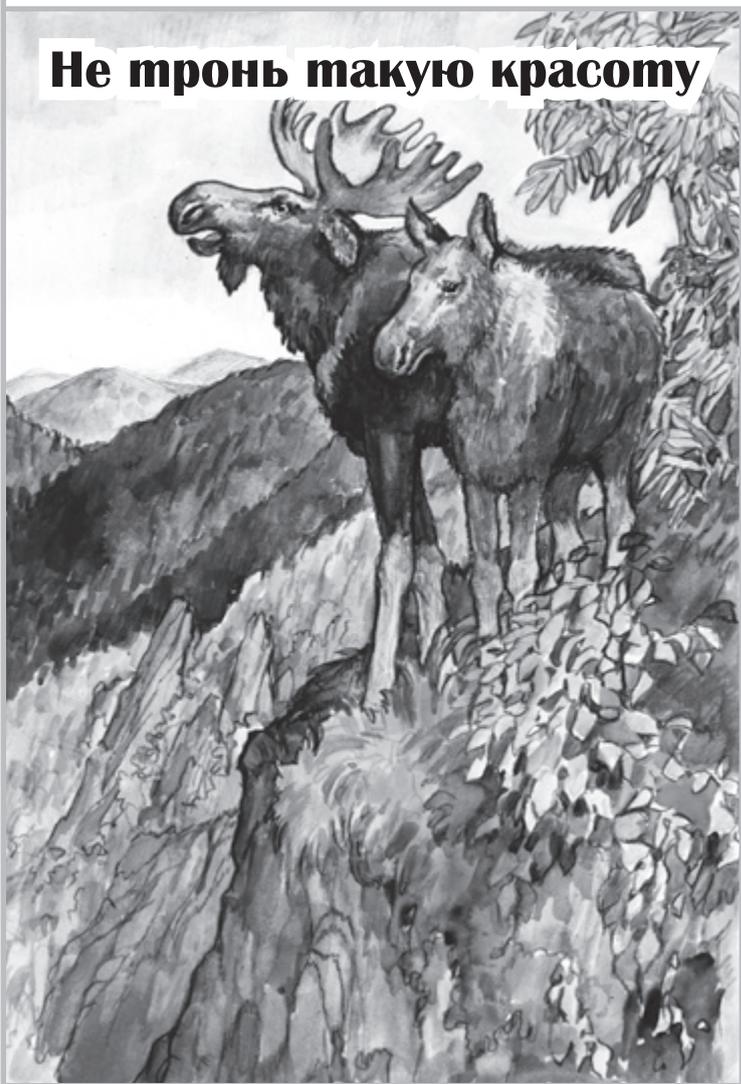

БЫЛ У НАС КАЙЧЫ

Был у нас кайчы –
Певец народа.
Старые легенды говорят:
«Запоет – и вторит вся природа,
Лес и горы подпевают в лад.
Запоет – и дерево сухое
Вновь шумит зеленою листвою.
И трава сухая,
Как весною,
Расцветает
В стороне лесной.
Запоет – и в мертвом теле жарко.
Оживает сердце для добра.
И горит,
Пылает пламя ярко
Над золой погасшего костра...»
И при мне есть песня
Дорогая
О России – солнышке в ночи.
Как хотел бы я,
Стихи слагая,
Походить на славного кайчы.

Не тронь такую красоту

КЕДР

Живет в тайге, глухой и дикой,
Сибирский кедр – лесов владыка,
Его и солнце не печет,
Его и стужа не берет.
Корнями в землю углубился,
За тучи ветками схватился, –
От двух кормилиц сразу сыт,
Он крепче всех в тайге стоит.
Цветет чешуйками весной,
Со всякой живостью лесною
Дружит – то шишки дарит ей,
То прячет от других зверей.
Но всех дружнее он с народом:
Растут в улусах с каждым годом
Из кедра новые дома.
И пусть не век он зеленеет,
Зато семье твоей умеет
Дать теплый кров. Он к людям щедр,
На то он и сибирский кедр.

МАРАЛ

Здесь камни в ледяном узоре
И кружит голову обрыв.
А вон – марал. Встречает зорю,
Рога на спину положив.
Ему спокойно на вершине,
Прохладно пантам молодым.
Лесного гнуса нет в помине,
И рысь не гонится за ним.
Во все края открыты дали;
Они ясны. Июнь погож.
Высок в горах обрыв маралий.
Марал невиданно хорош.
Я начеку, и зверь на страже,
Опасность чудится ему.
Мылтых со мной, и он заряжен,
Но я его не подниму.
И не хлестнет упругий выстрел
Над синекаменной грядой...
Марал на кромке ледянистой
Бодает месяц молодой.

ОЗЕРО КАРЧИЯК

Будто чаша богатыря,
Забытая с давних пор,
Озеро Карчияк
Лежит среди наших гор.
Иду таежной тропой,
Всматриваюсь в следы:
Здесь козы на водопой
Шли по краю беды.
Место драмы свежо.
Ясно вижу: вот здесь
Дикой кошки прыжок
Жизнь оборвал козе.
Озеро Карчияк
Слышит мой каждый шаг.
Шелестом камыша
Его говорит душа:
«Храбрый охотник мой,
Тебя сторожит беда.
Рысь идет за тобой,
Как тень, по твоим следам.
Кровь у ней горяча:
Толкает ее на смерть.
Сорви карабин с плеча,
Выстрелом зверя встреть».
Злобен хищный оскал.
Рухнула тишина.
Эхо с прибрежных скал
Катится, как волна.
Шумит хмельной травостой.
Пулей сражен мой враг.
Светится добротой
Озеро Карчияк.

КУН-КУЗЕЗИ

Солнца зять – Кун-Кузеzi –
Так зовут тайги цвeток.
Он от солнца зажигает
Свой волшебный огонек.
Самой дикой красотой
Славен он на целый свет.
Так хорош Кун-Кузеzi, –
Только щедрости в нем нет.
Сладкий сок отдать жалеет
Пчелам – маленьким летуньям.
Рядом с ним трава желтеет.
Вот какой Кун-Кузеzi.
Даже зверь его обходит,
Даже птица сторонится,
И зовут его в народе
Злой цвeток Кун-Кузеzi.
Много лет и зим прошло
С той поры, как наше Солнце
Своим зятем нарекло
Гордеца Кун-Кузеzi.
Может, Солнцу изменила
Мудрость жизни в те минуты?
Может, Солнце ослепила
Красота Кун-Кузеzi?

ЗИМА

Покрыты снегом улицы
Таежного села,
В сугробе дом сутулится –
Поземка замела.
Лежат на крышах белые
Холодные пласты.
Рекой обледенелою
Мороз мостит мосты.
У кедра шуба бурая
Заиндевела сплошь,
Осинку тонкошкурую
С рассвета мает дрожь.
Не скоро в нашу сторону
Вернется птичья рать.
Остались только вороны
В чащобах зимовать.

АНЧЫ

Солнце. Снежные шири...
Рад погожему дню, —
Вновь охотник Порфирий
В горы торит лыжню.

Не денек проведет он
От жилья вдалеке —
Так добротен и плотен
Для припасов сюртке.

За спиною не палка,
Чтоб пугать воронье, —
Боевая централка,
Золотое ружье!

Спуск нажмешь, огласится
Криком зверя весь лес.
Иль могучая птица
Камнем рухнет с небес.

Вот и место привала,
Твой шалашик-одаг,
У костра, как бывало,
Подкрепись и приляг.

Пусть снаружи от стужи
Все трещит, а тебе
Здесь в одаге не хуже,
Чем под крышей в избе...

Тридцать раз в глухомани
Выстрел вспугивал птиц.
Это, знайте заранее —
Три десятка лисиц.

Без промаха по цели
Бьет Порфирий-анчы.
Волосы поседели,
Но глаза, как мечи.

Сердце доброе стойко,
Сил запас не иссяк...
Ждет жена его Тойка,
Приготовила сак.

Все друзья и соседи
Ждут анчы своего,
Чтоб на пышном обеде
Тост поднять за него.

анчы – охотник;
сюртке – транспортное средство охотника
из конской шкуры;
одаг – таежное жилище;
сак – угощение по возвращении
с промысла.

ЛЫЖИ

Еще в пеленках изумленно
Мой сын ножонками сучил,
А дед по древнему закону
Мальчишке лыжи смастерил.
Они обшиты кистью были,
Чтоб, лишь наступит их черед,
Как выдра, по снегу скользили
И тормозили задний ход.
Ах, лыжи! Ну-ка, зорька, брызги
На снежный искристый настил,
На них, наверное, полжизни
Охотник-шорец проводил.
Проворность, легкость их бесценна,
Несешь, плечи наклоня,
Не надо им овса и сена –
Они надежнее коня.
С любой померяться горою
Охотник мог в расцвете лет,
От них зависело порою:
Поешь ты нынче или нет...
Я их не бросил, не оставил.
Уже немало дней назад
В сенях я лыжи те поставил,
Пускай, как памятник, стоят.
Мои года – немолодые,
А сыну лыжи ни к чему.
Иная даль, пути иные
Жизнь приготовила ему.
Пусть на дворе метель, заботы
Теперь уж нету у меня:
Уводит сына в дальний город
Стальная звонкая лыжня.

ФЕВРАЛЬ

Февраль примчался. Месяц ветра.
Он дует яростно и зло.
За домом снега на три метра
Прошедшей ночью намело.
Весь мир в белесой мути тонет.
Метель скрывает проблеск дня.
Гудит тайга, унывно стонет,
Верхушки по ветру клоня.
И пляшут вихри так и эдак,
Лохматым дьяволам под стать.
Пусть порезвятся напоследок,
Уже недолго им плясать!
Устанет ветер бесноватый,
К сугробу тихо прикорнет —
И день, укрытый снежной ватой,
Весенним запахом дохнет.
Недаром вечер, нежно-розов,
Свой сумрак медлит опускать.
На волоске пора морозов.
Весна — вблизи!
Весне — сверкать!
Недаром, за нее тревожась,
Наш беспокойный агроном
Пшеницу пробует на всхожесть,
С утра колдуя над зерном...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ночь настала. Спи, дружок.
Рябчик с ветки пал в снежок,

Под снежком его постель...
Над сугробом стынет ель.

Ель продрогнет до зари.
Ты, костер, в лесу гори

И охотника согрей
На постели из ветвей.

Пламя красное, как медь...
Но трещит мороз-медведь.

Правый бок огонь печет,
Левый бок медведь дерет.

На заре костер погас.
В небесах маралий глаз —

Ярко-синяя Шолбан
Сыплет иглы сквозь туман.

Бел таежный полумрак,
На ресницах бел куржак.

Твоему отцу опять
Надо пламя раздувать.

Спи, малыш. Еще темно.
Смотрит ель в твоё окно —

В старой выкрошился сук,
Спит там серый бурундук.

Спи. Покуда спят зверьки,
Сторожит отец силки.

Будет соболь в них – черныш,
Будет рябчик... Спи, малыш.

ЗАЯЦ

Пушистый, белый, как комок,
Намятый из сугроба,
Резвится, прыгает зверек,
Но зорко смотрит в оба.
То вдруг замрет, как на часах,
Торчком поставит ушки:
Не стережет ли где лиса
На боровой опушке.
Туда-сюда глаза косят:
Не враг ли за кустами.
Куда зверек направит взгляд,
Туда и ушки сами.
Вот если б заяц не был бел
И не остерегался,
Его б охотник углядел,
Он волку бы достался.
Но бойко прыгает зверек
И зорко смотрит в оба;
Пушистый, белый, как комок,
Намятый из сугроба.

ПЕСЕНКА РЯБЧИКА

Снежок мой белый пуховой,
Я сам растаял бы с тобой.
Ты таешь – грусть в моей груди.
Но ты, снежок, еще приди,
Еще приди.

Приди на следующий год
Пораньше. Рябчик подождет.
В тайге прохладных много мест,
Но ждать тебя не надоест,
Не надоест.

ПРИХОД ВЕСНЫ

Теплее воздух с каждым днем.
Весны дыханье чую в нем.
В овраге пеняется ручьи,
Им воробей кричит: «Вы чьи?»
Скворец — откуда взялся он?
Завел затейливый трезвон.
— Потише! Выжил из ума! —
Ворчит, бранит его зима.
А солнце, словно ей назло,
Еще сильнее припекло.
И ветер южный над тайгой
Легко проплыл волной тугой.
На миг замедлил я шаги:
Смолой запахло из тайги!
Шумите, воды! Пой, скворец!
Бурану, холоду — конец.
Пусть дни и ночи напролет
Зима-старушка слезы льет.
Рассыпь, весна, свои лучи,
По наковальне бей, стучи!
К штурвалу трактора присев,
Встречай с колхозниками сев.
В полях, в охотничьей избе
Все рады, гостьюшка, тебе.
Не пред тобою ли скала
Папаху белую сняла?

МАРТ

Март месяц – месяц перевала.
Название это дали встарь
За то, что гривы и увалы
Перевалить спешит глухарь.
Не режет воздух он крылами,
Как человек, идет пешком,
Ступает мелкими шажками,
Слегка припудренный снежком.
Не за добычей соболь рыщет,
Не от охотника бежит, –
Зверек себе невесту ищет,
Он тоже счастьем дорожит.
И оставляет дом свой белка.
О, как легки ее скачки.
Звучит по лесу перестрелка,
Трещат засохшие сучки,
Играет солнца луч с сосулькой.
Синеют мокрые снега.
Иди, весна! Ручьями булькай!
И затопляй водой луга!
Звенят капли-молоточки,
Кузнечный молот вторит им.
И я пишу вот эти строчки,
Чтоб подарить друзьям своим.

КЕДР-ВЕЛИКАН

Под этим кедром-великаном
Средь тонких елочек-сестер,
Не раз, окутанный туманом,
Я разжигал в ночи костер.
В могучий ствол его и хвою
Гроза вонзила сотни стрел,
А он под ветром и грозой
Всегда лишь весело шумел!
И уползали злые тучи
Бессильным скопом черных змей.
Смотрел он вдаль с высокой кручи
В кругу подростков-сыновей.
Но вот пришла беда иная
(Не ждал он этого врага),
Весной в разлив река хмельная,
Бурля, подмыла берега.
Сломили волны крепость духа?
Нет! Взяли почву из-под ног!
Разжались корни, ахнул глухо,
Он рухнул вниз, в седой поток.
И вот уже речная сила
Его свободно подняла,
И понесла, и закрутила.
Но слыша рядом шепот хвойный,
Река на миг сменила прыть:
Пленный кедр волной прикрыть.

РАВНОДЕНСТВИЕ

Весна берет отсюда старт.
Все выше лезет солнце.
Растреплет теплый месяц март
Зиму по волоконцу.
Растопит так, что не найдешь,
Водой в овраги спустит.
Сорочий слушая галдеж,
Полна, седая, грусти.
«Где мой февраль, – ворчит она, –
Серебряный мой слиток?»
Зима, ты стала не нужна.
Зима, ты – пережиток.
Теперь весне – трава и ширь.
О ней – все разговоры.
Она, действительно, в Сибирь
Спешит походкой скорой.
Неси, весна, тепло быстрее
И птичьи перепевы.
Славь дружбу солнца и полей,
Давай команду севу!

ЮЖНАЯ ГОСТЬЯ

Липа! Цветет белоснежная липа
В зелени новой, медвяна, пышна,
Нежная липа у рельсов Южсиба!
Как прижилась в этом крае она?

Липа в горах Алатау... Ведь чудо!
Липе не страшен сибирский мороз!..
С Волги-реки или с Дона – откуда,
Кто ее в шорскую землю привез?

Было преданье про кама Коргуша:
Кам ее вез на крылатом коне...
В липовой роще гудит – только слушай...
Тысячный рой на басовой струне.

Белая липа, тайги украшение, –
Нет, ты не гостья из южных лесов!
В рощах и колках твои поколенья
Старше Мрассу и древней ледников.

С каждым отростком и семечком каждым
Липа по времени держит пути.
Сколько, должно быть, в ней жизненной жажды,
Чтоб через тысячи лет к нам прийти!

РАНЕНАЯ БЕРЕЗА

Заглянул я майским полднем в лес,
Вижу – на березоньке порез.
Он до самого сердца глубок,
Словно кровь, течет из раны сок.
Милая березонька моя...
Чье же это жало остря?
Кто он, бессердечный недруг твой?
Кто тут хвастал силой ножевой?
Такова судьба твоя, видать,
Каждый взгляд собою привлекать,
И кому ты выскажешь упрек?
Ведь виной всему – твой сладкий сок.

РЯБИНКА НА УТЕСЕ

Как вошла рябинка на утес,
Где живому нечем поживиться?
Может, ветер семена занес,
Может, занесла туда их птица?
Выше всех рябинка взобралась —
Пихт седых и черных кедров выше —
И пунцовым цветом занялась,
Засмуцалась — рдеет и не дышит.
А оттуда, снизу, на нее
Старые рябины смотрят хмуро:
Мол, утёс. Какое там житье?
Высочка рябинка или дура?
Как понять им всем, растущим там,
Что борьба за жизнь в горах упорней.
Что не по земле, а по камням
У рябинок протянулись корни.
Что ей первой — и мороз, и зной,
Что у ней тут сивер*, как на вышке.
Что она с родней своей лесной
Вынуждена знаться понаслышке...
На утесе, чтобы видел всяк,
Над ноябрьским инеем белесым,
Выситя рябинка, будто флаг,
Поднятый осенним чернолесьем.

---

* Сивер — северный пронзительный ветер.

ТАЕЖНАЯ РЕЧКА

Ты берешь свое начало
В пихтаче, у хмурых скал,
Там, где скачет одичало
Гордый баловень-марал.

Пусть расскажет звонкий, чистый,
Твой весёлый голосок,
Как из струйки серебристой
Вырастает ручеек.

Где березка стала свечкой
И застыла на бегу,
Не ручьем уже, а речкой
Я назвать тебя могу.

Уж не детство предо мною,
Юность, полная огня,
Неспокойною волною,
Силой радует меня.

Перекатов глядя спины,
Мчишься, сердце веселя,
Ждут вдали тебя долины
И Хакасии поля.

Там с неведомой рекою
Ты сольешься навсегда,
Станет тихой, голубою
Эта пенная вода.

Но не в том ли отвага,
Чтоб не злась, не скорбя,
Всю отдать себя на благо
Людям, жаждущим тебя?

УТРО

За скалистою грядою,
Пробуждая все живое,
Янтарем густым горя,
Сочно брызнула заря.
Ветерок, в простор влюбленный,
На березке шелк зеленый
Растрепал. Опять заплел
И растаял в звоне пчел.
Ах, как звучен над долиной
Нежный посвист соловьиный!
Сколько сказочной красоты
В чистом жемчуге росы!
Темной ночи нет в помине.
Ясно, солнечно в долине.
Сердцем я, как прежде, юн.
Много в сердце звонких струн...

ЯГОДЫ ПОСПЕЛИ

Увлекла интересная книжка,
Вдруг в открытом проеме окна
Появился соседский мальчишка —
Смоль волос и зубов белизна:
— Дядя, с нами в тайгу не пойдете?
— Что, боитесь, медведишка съест?
— Нет, встречались уж с ним, на охоте,
Мало знаем мы ягодных мест.
Что поделаешь? В сторону книжку.
Взял ведро, выхожу из дверей.
Мой ходатай несется вприпрыжку:
— Кто по ягоды, живей, быстрей!
Собралась ребятишек ватага.
В жарком воздухе звон голосов,
За извилистой кромкой оврага
Гуще сумрак таежных лесов.
Словно в воду, в траву забродим,
Вот по грудь, вот уже с головой,
Чей-то пес заливаётся лаем —
Потерялся в чащобе густой.
У меня на примете малинник.
— Налетай! — ребятишкам кричу,
Весел, счастлив я, как именинник,
Все, что им, то и мне по плечу.
Кто сказал: никуда я не годеи?
Кто сказал: за спиной шестьдесят?
Нет, сегодня ни ям, ни колдобин,
Никаких стариковских преград!
На десяток годов, а не на год
Я моложе с ребятами стал.
Рву душистые бусинки ягод,
Светом солнца их зной напитал,
Отдохнуть поманила опушка!
Вдруг «ку-ку» донеслось из хвои.
Ах, коварная птица-кукушка,
Сосчитала все годы мои...

Перезвонами крика и смеха
Отзывается лес в тишине.
То ли просто услышал я эхо,
То ли детство откликнулось мне?

ПИХТОЧКА

Острая, пушистая,
Пихточка душистая.
С солнечными челками,
С мягкими иголками.
У подружек-лиственниц
Под осенний свист синиц
Иглы наземь валяются –
Деревца печелятся,
А тебе заказано
Облетать.
И связана
Шаль, как лист цветом,
На зиму и летом.
Шаль вязала нагусто,
Чтоб жарюю августа
Кожу не коробило.
Подрастай, тенистая,
Над тропинкой мшистою,
Над следами бурого
Мишки толстошкурого.
Будь шатром охотника,
Будь чернике зонтиком.
Будь бельчонку теремом,
Будь хорошим деревом.

ЛИВЕНЬ

Налетел он, как разбойник,
Спрятав солнечный зенит.
И земля – большой подоюник –
Гулко, радостно звенит.
Мы промокли все до нитки,
А в восточной стороне
Солнца луч, горячий, прыткий,
Жалит тучи в вышине.
Глупый ливень, в самом деле,
Что наделал в краткий срок:
Мы же сено не успели
Уложить, как надо, в стог...
Оборвались ливня нити,
Солнце льет поток тепла.
Тут же радуга в зените
Коромысло подняла.
Семь цветов по лужам пенным
Разбросал небесный свод.
Славно пахнет мокрым сеном,
Будто с неба пролит мед!

ОСИНА

Горькая осина, что с тобою –
Почему всегда дрожишь листвою:
В тишь и в ветер – все одно занятие?
Или на тебе плохое платье,
Что его пытаешься ты сбросить?
Или просто стряхиваешь росы?
Может быть, осина, ты застыла?
Ты тепла ведь мало накопила;
Разве будет жить тепло осине –
У нее лишь горечь в сердцевине.

СЕНОКОС

В колхозах утрами
О косы стальные
Звонят молотками
Косцы молодые.
Поспели, наверно,
Пырей и люцерна,
И мятлик, и кашка,
И донник пахучий...
А вот и упряжка
С косилкой трескучей.
...В миг свянет душистый
Чабрец. И спросонок
Прыжками пушистый
Умчится зайчонок.
И в стороны с треском
Кузнечики прыгнут...
А травы со всплеском
Все никнут да никнут.
Чем раньше вас, травы,
В июле мы скосим,
Тем гуще отавы
Здесь будут под осень.
Большими шагами
По ягодным росам
Ступает лугами
пора сенокоса.

АВГУСТ

Если молния сверкает,
Лето будет урожайным,
Шорцы август называют
Месяц молний – Чажын Айы.
Если солнышко сияет,
А в душе веселье мая, –
По земле моей ступает
Месяц молний – Чажын Айы.
Если ночью изголовью
Ты доверил сердца тайны, –
Наградил тебя любовью
Месяц молний – Чажын Айы.
Если песню твою ветром
Унесло в простор бескрайний, –
Значит, ты рожден поэтом,
Месяц молний – Чажын Айы.

ДОБЫЧА ОРЕХА

Ни свет, ни заря
По орехи
Нам, шишкарям,
Надо ехать.
Сажусь на коня
У ограды.
А конек у меня –
Что надо!
Еду, молчу
Под ветками
К моему кедрачу
Заветному.
Торока на боках...
Миновал лога,
Буреломину.
Здорово, тайга
Кедровая!
Расседлаю коня –
Пусть гуляет.
Посижу у огня,
Помечтаю.
Отдохну чуток –
И за дело.
Взлечу на сучок
Будто белка.
Шишки падают вниз
Вроде града.
За старанье они –
Мне награда.
Раскушу орех
На две половинки,
В самой зрелой коре
Сердцевинка.
Надо мной ветер выл.
Ну и ладно.
Я бы больше набил,

Да не жадный.
Полны торока
У коня на боках.
Сам погас костер
Аль задуло,
Прохладою с гор
Потянуло.
То трусцой,
То шажком
Еду с песней.
Ох, как быть шишкарем
Интересно!

СПОР

Росли в тайге осина с кедром,
Был воздух пряным, ключ был щедрым.
Вверх от подножия скалы
Тянулись тонкие стволы.
Осина и скажи такое:
— Давай поспорим, кедр, с тобою,
Хоть спор решится не сейчас,
Кто крепче в землю врос из нас?
Стоят, а корни точат недра,
А ветви ловят струи ветра,
Стволы твердеют, ввысь растут
И в ширину... Года идут.
Раз тучи стали над тайгою,
В кедр ударило грозою,
Он повалился, затрещал.
Удар осину миновал.
Осина видит: кедр зеленый
У ног ее поникнул кроной,
Лежит, а хвоя все жива,
И не склонилась голова.
— Вот видишь, кедр, ты зря крепился,
Ведь ты скорей меня свалился.
Теперь лежишь, а я стою...
Поверил в правоту мою?
— Я стоя жил три века долгих,
И пролежу я тоже столько,
И ствол смолистый сохраню.
А ты засохла на корню.

ВЕЧЕР

Все короче дня тропинка.
Миг — и вовсе исчезает.
Гуще стала неба синька,
Уголь солнца угасает.
Стихли в роще птичьи песни,
Только выпь в болоте стонет.
Да высоко в поднебесье
Голос жаворонка тонет.
То замрет, то снова дрожью
Высь небесную распорет.
Допоздна в полях над рожью
Гулу трактора он вторит.

НА КОНДОМЕ

Шелковой основой,
синей и зеленой,
натянулись струи
Кондомы таежной.
Под щекой порога,
в чаше углубленной,
ходит в красных перьях
окунь осторожный.
И кидают блесны
в омуты березы,
и гудят, согнувшись,
будто удилица.
А с камней свисают
водорослей косы,
а над быстриною
зимородки свищут.
И над перекатом,
где поток вскипает,
где в него румянец
предзакатный пролит,
лось рога крутые
яро наклоняет
и свое с размаха
отраженье колет.

СЕНТЯБРЬ

С чем приходит – ну-ка, с чем –
Месяц жатвы – Ай-кесчен? –
С крупкой инея в траве
И с червонцами в листве.

С леденеющей рекой –
Зачерпни воды рукой!
И с рябиновым огнем –
Бровь косач обжег на нем.

Над хлебами месяц Ай
Наострен на урожай.
Будто баржа, месяц Ай –
Под пшеничный урожай.

И комбайнер в те борты
Сыплет золото – алтын.

ЖУРАВЛИ

В дни печальной осенней поры
Я стоял у подножья горы.
На лесов шелестящую медь
Я смотрел, чтобы сердце согреть.
Облака над горою Шобар
Плыли скопом овечьих отар.
Вдруг оттуда, из облачной мглы,
Долетало до слуха: – Курлы-ы...
Сразу стало на сердце теплей –
Увидал я семью журавлей!
Потеряв и порядок, и строй,
Закружились они над горой.
Долго вились, кричали над ней...
Есть любовь и у них, журавлей.
Улетая от шорской земли,
Не простясь, улететь не могли!
Вот, построясь опять косяком,
Устремились на юг прямым.
Колесом вам дорога, друзья!
Возвращайтесь в родные края!

ОСЕННЕЕ

Заморозком травы обожгло –
И хрустят они под сапогами.
Улетело летнее тепло,
Встал туман холодный над лугами.
В огородах голых жгут ботву.
Сколько в дыме горечи ботвиной!
Облака размыли синеву,
Заглушили клекот журавлиный.
Ухожу я к берегу реки
По листве, шуршащей на тропинке.
Где гляделась в воду тальники,
Серебрятся тоненькие льдинки.
У седой от инея ольхи
Я стою, гляжу в сквозные дали.
И мои осенние стихи,
Как и все вокруг, полны печали...

ОБЛЕТАЮТ ЛИСТЯ

Одни зелены, а другие желты...
Влекут и тревожат меня
Листья в расцвете своей красоты
И листья в багрянце огня.
Густым и зеленым – весной трепетать,
Пора их тепла и света.
Багряным – на зорях осенних сгорать,
Но только сгорать дотла.
Опавшие листья вминает в ил
Прошедший по ним сапог.
И люди забыли, и зверь забыл
Их службы зеленый срок...
Но зелень однажды взметнет опять
Себя в тишине ночей,
И если осенним кострам пылать, –
Пылайте же горячей!
Я мудрость большую в природе чту,
Неведом ей смерти страх,
И если весна в изумрудном цвету, –
То осень всегда в кострах.

УЛЕТАЮТ ГУСИ

Улетают гуси на чужбину,
Улетают в теплые края.
Я глаза к поблекшей выси вскину,
— До свиданья, — крикну им, — друзья!
Вам лететь в неведомые дали,
Отдыхать в неведомой стране.
Как вы там, родные, не устали?
Может быть, опуститесь ко мне?
Но не слышат голоса-привета,
Режут воздух грудью, как один.
Улетают гуси без ответа,
Тает, тает в небе острый клин...
Я стоял у кедра одиноко,
Вдруг в тиши, окутавшей луга,
Донеслось по ветру издалика,
Прозвучало грустное «га, га!»
Шел домой, нисколько не печалась,
Уносил я в сердце этот звук.
Услыхали, значит. Попрощались.
Пропусти их, пограничник-друг!

НОЯБРЬ — АНЧЫ АЙЫ

Просыпайся, охотник, пора!
Заноси снаряженье свое
в суетливый дом со двора, —
пусть очнется, тебя узнает.

На горах в снегу уж земля,
звери чертят на ней письмена.
Где-то ждут тебя соболя,
где-то белок тайга полна.

Здесь — в душе ли, за окнами ль — гул,
сыплет снегом метель под горой,
тает скоро — сменяется караул, —
осень встретилась с ранней зимой.

Побеждает то снег, то вода,
на реке то лед, то шуга,
то настроятся встать холода,
то смахнет их ветра рука.

Солнцу жалко стало тепла, —
не выходит, жметя к горам.
Вот туда и душа повлекла
зверолова. Охотник, пора!

Не зимой сменилось тепло,
а покой сменился страдой —
состязанье страстное началось
со зверьем, морозом, тайгой.

КЕДР МОГУЧИЙ

Как богатырь, могучий кедр
Не гнется на ветру,
Хотя он стар, хотя он сед,
Мой самый верный друг.
Судьба охотника моя
Навек сдружила нас...
Его опавшая хвоя –
Моя постель сейчас,
Его зеленая броня –
Мой кочевой шатер.
Надежней места для меня
Не знал я до сих пор.
Он был и пристанью моей
От грома и огня.
От злых и обложных дождей
Не раз он спас меня.
И вот сейчас, когда вокруг
Завьюжило тайгу,
Меня зовет к себе мой друг,
Чтоб переждать пургу.
Кедр охраняет мой ночлег,
Горит костер ночной,
И, как усталый человек,
Он греется со мной.

О любви я пою

* * *

Игрeneвую гриву
В косички заплети...
Шалгановские всадники
Приметны на пути.

Потуже гриву карюю
Тесемкой перевей...
Кузеновские всадники
Садятся на коней.

Что нужно тем, шалгановским?
Что нужно их коням?
Наездники мчат к девушкам,
А лошади – к лугам.

Что нужно тем, кузеновским?
Что нужно их коням?
Наездники мчат к девушкам,
А лошади – к стогам.

Не плавали б пернатые
В озера под гольцы –
Откуда появились бы
В чащобе их птенцы?

Не ездили бы девушки
В чужбину на седле –
Откуда появились бы
Улусы на земле?

ХАНСКАЯ ДОЧЬ

— Ханская дочь, покажись мне на миг.
Вправду ль тонка ты, что нежный тростник?
Вправду ль вздыхаешь в ночи над рекой?
— Нет, это шепчет тальник золотой.

Ластится к лодке река в полусне.
Чье там лицо отразилось в волне?
— Ханская дочь, твои щеки круглы...
— Нет, то луна посветила из мглы.

— Косы волнистые в темную ночь
Свесила с берега ханская дочь...
— Парень, на черные косы не льстись,
Это уснувшей черемухи кисть.

ТУРПАН*

Убили подругу турпана в забаву,
А он до сих пор родники облетает.
Он ищет ее и убийц проклиняет:
Пусть сами такое они испытают.

Глаза у турпана в тумане кровавом.
Подруги на реках турпан не встречает.
Он ищет, не зная, что в жизни бывает —
Вернее, чем пуля, тоска убивает.

---

* Турпан – селезень.

ТОСКА ПО ЛЮБИМОЙ

Пред зарею синя Шолбан*,
Пред луною бела Шолбан.
Есть в улусе любовь моя.
Ей дарю свою песню я,
Чтобы синий весны цветок
У аила пустил росток,
Чтобы девушки взор звездой
Озарил мой аил родной.
Лесом каменный холм порос –
Там качаются пять берез...
По любимой тоску свою
Я с пятнадцати лет таю.
Крылья – соколу хороши.
Крылья соколу – не вяжи...
Дарит крылья душе моей
Тот огонь дорогих очей.
Сокол, ты высоко живешь –
На утесе гнездо ты вьешь.
Моя девушка не в горах,
У упрянца-отца в руках...

---

* Шолбан – Венера.

* * *

Два каурых скакуна –
Честь и гордость табуна,
А красавица-жена –
Среди звездочек луна.

Два в упряжке скакуна –
Вся упряжка тем красна.
А пригожая жена
Скрасит в жизни все одна.

МЕДНЫЙ МЫЛТЫХ*

Медный мылтых заржавел – не стреляет,
Медный мылтых давно в юрте забыт.
Жаркое сердце по милой страдает,
Птицей к желанной вот-вот улетит.

Медный мылтых! Оловянные пули
Я на колечки сейчас перелью.
В сердце глаза мне твои заглянули,
И потому про любовь я пою.

---

* Мылтых – ружье.

НАСТАВЛЕНИЕ НЕВЕСТЕ

Расчерчено рамой окно
На шесть голубых полос...
Хозяйкою быть должно
Тебе до седых волос.

Пропущенный тонким стеклом,
Луч солнца твой дом озарит,
Забота – чтоб счастье в дом –
Всегда на тебе лежит.

ОБРАЩЕНИЕ СВАХИ К НЕВЕСТЕ

За кисейной занавеской тонкой
Что же ты сидишь, отца отрада?
Льются песни свадебные звонко,
Собирай, красавица, наряды.

За шелковой занавеской тонкой
Что сидишь ты, матери отрада?
Ждет тебя далекая сторонка,
Собирай, дитя мое, наряды.

ПЕСНЯ ПАРНЯ

Птицей в ночи встрепенусь,
Если все гуще мгла.
Радостной трелью зальюсь,
Если заря взошла.

Если заря взошла,
На небо посмотрю.
Милая если пришла,
Песню ей подарю.

ПЕСНЯ НЕВЕСТЫ

Когда буланый мой запляшет
На гребне льдистого торца,
Наверно, дома кто-то скажет,
Что я покинула отца.

Когда соловый мой по склону
Крутой горы начнет бежать,
В поселок, скажут, отдаленный
Умчалась я, покинув мать.

ПОЖЕЛАНИЕ НЕВЕСТЕ

В твою юрту шестиугольную
Пусть вливается лунный свет.
И счастливая, и довольная,
Проживи же ты сотню лет.

В новый дом, что блестит окошками,
Постучится степной рассвет...
И счастливая, и пригожая,
Проживи же ты много лет.

ТОЙ*

Я на свадьбе недавно гулял,
Не один опрокинул бокал.
Захмелел – жениха удивил:
– А большой ты калым заплатил?
Вот уж было смешно молодым:
Про какой говорит он калым?
Видно, вспомнил былое житье.
– Мой калым – это сердце мое!
Любовался невестой жених,
Все, любуясь, глядели на них...

Но иной мне припомнился той.
Нет калыма – ходи холостой.
Это было, друзья, не во сне.
Это молодость вспомнилась мне!
Но вздыхать-горевать я не стал,
Поднял новый бокал и сказал:
– Пусть живет молодая чета
Много-много, не менее ста,
В шестьдесят чтобы им не хворать,
Чтоб и в семьдесят горя не знать.
А как матерью станет жена,
Пусть одна не грустит у окна,
Впереди пусть шумит детвора,
За спиною – в излишке добра.

---

* Той – свадьба, пир.

* * *

Цвет у Томи-реки
Золотой, необычный.
Хорошо, когда берег
В кайме лиственничной...
Хорошо, когда много
Сестер у жены,
Цвет у Мрассу-реки
Серебристый, медовый.
Хорошо, когда берег
В кайме тальниковой...
Хорошо, когда с мужем
Все братья дружны.

Если крикну в тумане —
Все сестры услышат,
Крикну в темную полночь —
Все братья придут.
Хлеб овсяный разделим
Под круглою крышей,
Угощать дорогих —
Утешенье, не труд.

СПОР ЖЕНЩИН

Сидели как-то женщины днем с огнем,
Ни шитья, ни иглы в руках с давних пор,
Вот от скуки они затеяли о своем,
О мужчинах своих, глухой разговор.

Самой первой хвастаться стала Сырга:
— Лучше, чем превосходный мой муж,
Невозможно нигде сыскать мужика, —
Хоть по статности, хоть, возьми, по уму!

— Не права ты, Сырга, — ей тут же в ответ
Говорит Матон. — И получше мужчины есть.
Скажем, муж мой, — задумает что в голове
И тогда он не будет ни спать, ни есть, —

Только сделает все! Мой твоему — не чета,
Мой — получше и разумом, и душой!
Скажем, пальцем не тронул меня никогда,
А не то, чтоб за косы таскать, — как иной.

В спор вмешалась Адек: — Мой муж —
лучше всех!
Он же — мастер во всем, и ему везет,
И за что б он ни взялся — всегда ждет успех,
А меня, как сокровище, он бережет!

Тетка Татла в сердцах промолвила: — Эх!
Ведь и мой на крыльях ввысь вознесен!
Тоже думает всё о заводе, о всех,
Только лишь о доме не думает он!

Среди всех молчала Таяна одна.
Все подумали: нечего ей сказать.
Только было заметно порой, что она
То пылала, то опускала глаза.

К тридцати годам подходил ее век.
— Хороши, — полагала, — мужья у них,
Только самый лучший мужчина из всех —
Это мой, мое сердце взявший жених!

ПЕСНЯ

Слышишь, друг мой, как в улусах
Парни, девушки поют?
Словно бусинки на бусах
Звуки к звукам звонко льнут.
Будни праздниками стали,
От печали нет следа.
И летят в лесные дали
Песни – спутники труда.
С песней молодость встречает
Утро солнечного дня.
В песне сердце раскрывает
Сердце, полное огня.
Друг мой старый, друг-ровесник,
Был и наш конек ретив.
Но другие были песни –
Грустный, горестный мотив.
Он звучал глухой тоскою,
Как ручей с таежных гор,
Чтобы вольною рекою
Выйти к солнцу на простор.

Шория, всюду со мной

ЛЮБЛЮ

Люблю сибирскую природу,
Мне близок нрав ее прямой.
Всегда, в любое время года
Она верна себе самой.

Сурово-строгая, без злобы,
На все дары свои щедро...
Холмам подстать ее сугробы,
Дожди ее – как из ведра.

Нагрянет стужей – дух захватит,
Снега растопит – все зальет.
Лучами знойными окатит –
Как в бронзу, тело закует.

А осень наша? Бабье лето?!
Родные, милые места –
Все точно золотом одето,
Прозрачен воздух, даль чиста...

Люблю речные перекаты,
Как переливы серебра,
В полях – широкие закаты,
В тайге дремучей – жар костра.

Скалистых гор люблю величье,
Деревья крепкие в соку
И звон ключа, и пенье птичье,
И одинокое «ку-ку».

И дом, где рос я, – лучший в мире!
И бесконечно счастлив я,
Что крепко связана с Сибирью
Родная Шория моя!

ШОРИЯ

Как толкуется слово Шория?
Я совсем не знаток-лингвист.
Мне поведал твою историю
Беспокойного ветра свист.
Стрел джунгарских в нем слышу пение,
Свист арканов да лязг цепей.
В нем печаль твоя и терпение
С безысходной тоской твоей, –
С давней-давней, теперь – забытою...
На пожарищах – шум лесов.
Даже камни, в курганы врытые,
Зелены от веков и мхов.
Камни Шории и Хакасии –
Горя прежнего сторожа...
Спит дремучая древняя Азия
Под курганами, чуть дыша.
Ты веселою, беспечальною
Стала, родина шор-анчы.
Звезды ГРЭС, а не плошки сальные
Освещают тебя в ночи.
Позабыты дни горя и бедности.
Радуй сердце мое и взор,
Сторона небывалой щедрости,
Рыбных рек и лесистых гор...

ПЕСНЯ ШОРЦА

...Шумит, шумит, играя
Кондома-река.
Плывут, плывут без края
В небе облака.
Куда ни глянь – просторы,
Долины да луга,
Заснеженные горы,
Дремучая тайга.
Гляжу на край мой милый,
На Шорию мою.
И песней легкокрылой
Я так о ней пою:
Текли года, столетья,
Как Кондома течет,
Тяжелой байской плетью
Висел над ними гнет.

Но прояснились дали
Над Шорией моей:
Мы радости дождались,
Дождались светлых дней.
Сверкая перламутром,
Стоит Мустаг-гора.
Настало наше утро,
Счастливая пора.

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Слышал я однажды
Стародавний сказ.
Не росла береза
В Шории у нас.

Не чесала кудри
Месяцем литым,
Не цвела в морозы
Куржаком седым.

Белая береза
На яру крутом —
Тонкая береста,
Крапинки кругом,

Длинные сережки,
Запашистый лист...
Шория слыхала
Стрел джунгарских свист.

В пламени улусы,
И в дыму тайга.
Был прикован шорец
К стремени врага.

Но однажды в чаще
Шор-кижи нашли
Деревце из русской
Дружеской земли —

Белую березу —
Тонкую кору.
Русская деревня
Встала на яру.

Сгнули джунгары
Под метельный вой.
Хороша береза
Летом и зимой.

Хороша легенда
Про ее приход.
Полюбил березу
Мой лесной народ.

ДЕВУШКА-ШОРКА

Посмотрит встречный и дивится:
Ах, что за девица-краса!
Черноволоса, смуглолица,
Как две смородинки, глаза...
Легко ступает по цветам,
Поет, и песней соловьиной
Ей вторит эхо здесь и там.
О чем поет она, родная,
Тревог сердечных не тая?
О том, как девушкам от бая
Когда-то не было житья,
Как за немилым, толстопузым
Не жизнь была, а горький дым...
Поет о ярком свете полдня,
О том, как славен мирный труд,
Как шорки-девушки сегодня
Под солнцем Родины цветут...
И облака застыли в сини,
Стоят березки не дыша,
Похорошело все в долине:
Уж так певица хороша!

КОНДОМА

Кондома, Кондома,
Ты крива, не пряма:
До Томи до реки —
Рукава, островки...
А девица красна
Все грустна, неясна,
В хоровод не идет —
На чужбине живет...

Я закидывал в Томь
Свою сеть подо льдом,
Но не сига ловил —
Только тину да ил.
Я ходил с Кондомы
Брать жену на Томи, —
Не сыскал без друзей
Я желанной моей.

К Кондоме на откос
Пять тянулось берез,
Но весной с бугорка
Вмиг их смыла река.
У родимой моей
Было пять сыновей;
Нет согласия меж них —
Нет в семье четверых.

Ой, река, хороши
У тебя камыши,
Звучен плеск твоих волн,
Плёт твой паводком полн...
Отчего ж, Кондома,
Ты крива, не пряма:
До Томи до реки —
Рукава, островки...

АВТОБУС В ТАЙГЕ

Там, где шорец, сгибаясь от кледи,
В темной чаще тропинку искал,
Мчит автобус по каменной глади,
По широкой дороге меж скал...
Поклонился мне кедр коренастый,
Ель махнула зеленым платком,
И Мрассу, покоренная, здравствуй,
Прозвенела струей за мостом.
Вот береза, как тень привиденья,
Покачнулась, с пути сторонясь.
Отдыхаю в мягком вагоне,
Как какой-нибудь бай или князь.
Отдохнул за дорогу на славу,
Как по-русски сказать? Благодать!
Из окошка до гор Алатага,
До вершин их – рукою подать.
С этой горной дороги все дали
Стали ближе, видней и родней!
Вот и город – огни засверкали,
Море теплых вечерних огней.

ПРОСТОР

Побывал на Алтае мой дед,
То-то было потом разговору!
– Поглядел, – говорит, – я на свет,
Нету края земному простору.
Гибких лыж да ружья властелин,
Что имел он тогда на примете?
Кроме гор да зеленых долин,
Ничего не видал он на свете...
Колесил я по тысячам шпал,
По Кузбассу от края до края
И, казалось, весь мир повидал,
А милей мне сторонка родная.
И стою я, любовь затая,
И гляжу я – ну где же граница?
Необъятны родные края –
Жаль, летать не умею, как птица!
С настоящим простором земным
Ныне Шория наша знакома.
Мне близки и Каховка, и Крым,
Только все-таки лучше мне дома.
Захочу – укачу в Жигули,
Соберусь – вот в столицу поеду.
Был батрак – стал хозяин земли!
Рассказать бы про всё это деду...

ШОР-КИЖИ В МОСКВЕ

С детских лет в тайге
По траве хожу,
Не во сне, я наяву
На Москву гляжу,
В шуме улиц, площадей
Горный человек
Столько радостных людей
Не видал вовек!
Слышу бой твоих часов,
Словно сердца стук,
Не найду от счастья слов,
Онемел я вдруг.
Это ты, Москва, спасла
В праведном бою
От насилия и зла
Шорию мою.
Верь признаньям старика,
Как самой судьбе.
Благодарен навека
Мой народ тебе.
За тебя в огонь готов
Каждый шор-кижи,
Лишь подай, коль надо, зов,
Слово лишь скажи.
Как поэт я, может, мал,
Ты прости, Москва,
Что от счастья растерял
Лучшие слова.

* * *

Расскажу вам неслыханную историю,
Как однажды поехал я в Горный Алтай.
Уложив в чемодан свою Горную Шорию,
Не сказал я родному Кузбассу «прощай».

Нас помчал тепловоз незнакомыми далями.
Загорюнился кто-то, скрывая слезу.
Я подумал: «Один я не знаюсь с печальями –
Всю родную тайгу я с собою везу».

Я таил, что поехал с такою нагрузкою –
Что Мрассу захватил и высокий Мустаг,
И тропинку охотничью, узкую-узкую,
И тебя, Мундыбаш, и тебя, Карчиак...

Были здесь они, здесь – посторонним не видные.
Чемоданчик мой скромно стоял в уголке.
На него покосились соседи солидные
И решили, что еду себе налегке.

Но когда меня встретили братья алтайские, –
Окруженный толпою радушных друзей,
Я открыл чемодан и рукою хозяйскою
Раздарил экземпляры им книжки моей.

Так – в печатных ли строчках, в набросках ли новых –
Где бы ни был я, – Шория всюду со мной,
И стучит она в сердце мне песенным словом...
Ностальгия? Не знаю болезни такой.

УТРО В ШОРИИ

На траве серебрится утренняя роса,
Ветерок, пронзая, пробуждает лес,
На лазури золотом облака висят,
И таскылы седеют в розовой мгле.

Из-за скал в глаза брызнули вдруг лучи,
Вышло солнце, скорей двигает образ свой,
Время спешит, вырываясь из рук, и мчит.
Только мы, народ, обгоняем его.

Как мне любо взглянуть на вид под горой.
Это вовсе не сон, это наша явь,
Это всё сотворил наш народ-герой
И продолжили — дочери и сыновья.

Лишь вчера тут сырело болото, гниль,
А сегодня — город во всей красе.
По уму и по сердцу преобразил
Человек, чтобы было уютно всем.

Создают нам машины завтрашний день,
Недра родины вскрыв, берут плоды,
Их, подобных камню или воде,
Превращают в свет, уют и цветы.

Город мой седой средь Кузнецкой земли,
Улыбаясь, разгладил морщины и хмарь.
По горам разведчики разошлись,
Постигая недр богатейший дар.

Ныне родина утро каждое ждет,
И земля все щедрей на свои дары.
Сам я жизни нашей увидел восход,
Весь в лучах я нашей общей зари.

Утро каждое слышу я в доме своем
Спасской башни сердцебиенье Кремля, —
Проникает спокойствием сердце мое,
Миром, смыслом гордо пронизан я.

Солнце в школьные окна спокойно льет,
Нежно лица ласкает, чубы детворы.
Ветер утренний дышит весной и поет,
Трактористу игриво треплет вихры.

Утро каждое я вспоминаю сказ:
«Солнце ясное на золотого коня
Сев, примчалось на землю в тоскующий час,
Чтобы на ноги все живое поднять».

ЛЮБЛЮ МОЙ КРАЙ

Люблю мой край, гористый и лесной,
В весну и осень, летом и зимой.
Причудлив он, когда ручьи текут,
Когда саранки пестрые цветут.
Когда в зеленом сумраке лесов,
Как колдовство, звучит кукушкин зов.

Люблю, когда со мною говорят
Листою – лес, волною – пережат,
Колосьями – пшеница на бугре.
Тогда я на березовой коре
Готов стихи восторженно писать,
По Шории их с ветром рассылать.

Люблю, когда рябиновым огнем
Внезапно вспыхнет лес осенним днем,
И урожая щедрого приход
Меня на ток колхозный позовет,
И под лопатой вырастет гора
Моей землей рожденного добра.

Люблю зимой таежный полусвет
И Алатау, что от снега сед,
Жизнь в шалаше охотника-анчы,
Комус в руках умелого кайчы
И в школе гомон звонких голосов...
Чьих голосов? Да тех, кто юн и нов.

Придет пора, и новый человек,
Как мы, перегородит русла рек,
Достанет клады, что в земле лежат...
Ведь он полюбит, так же, как и я,
Тебя, родная Шория моя.

Шорские народные сказки

ПЧЕЛКА

Жили два брата: Овод и Муравей. Овод жил богато. Муравей – бедно. У Муравья была дочь Пчелка, у Овода никого не было.

Однажды Пчелка говорит отцу:

– Пойду я к дяде и попрошу у него корову. А то мы скоро с голоду помрем при такой жизни.

– Не ходи, дочка, – отвечает отец. – Скупее моего брата нет никого на свете. У него зимой снегу не выпросишь. Не кланяйся богачу. Я век прожил и кроме обид ничего от него не видел.

– Нет, схожу, – настаивает дочь. – Может, он пожалеет меня.

Отец не стал перечить. Пчелка пошла к богатому дяде. Вошла в его хоромы, поклонилась, ласково поздоровалась и обратилась с такими словами:

– Добрый и мудрый мой дядя, я часто думаю: почему я не твоя дочь? Как бы мне хорошо жилось! С моим отцом я, наверное, скоро с голоду помру, потому что он бедный и вдобавок глупый.

Слова племянницы по душе пришлись дяде, и он дал ей теленка.

Теленок стал расти не по дням, а по часам и скоро вырос в корову. Отец и дочь нарадоваться не могут. Корова отелилась и стала давать по сорок ведер молока в день. У богатого дяди целое стадо столько не давало. Отец с дочерью живут и нужды не знают. Не только сами кормятся от коровы, но и бедных кормят. Люди любят корову, хвалят Пчелку, смеются над Оводом. Богачу стало завидно, и он сказал брату:

– Отдай мою корову.
– Что ты, дядя, – говорит Пчелка, – мы у тебя корову не брали. Брали теленка. Возьми теленка обратно.

– Не надо мне теленка!

И подал на суд.

Вызывает их хан-судья. Они рассказали, как было дело. Хан-судья рассердился и говорит:

– Дураки, одну корову поделить не можете! С таким пустяком ко мне лезете. Следовало бы вас, глупцов, наказать, да ладно уж. Отгадайте мне три загадки, тогда спор ваш решу. Первая загадка: что на свете всего жирнее, вторая – что всего быстрее, третья – что больше всего? Завтра придете сюда и скажете мне.

Ушли братья и задумались.

Овод рассказал жене все три загадки. Она посмеялась и говорит:

– Пустяки! Вот что надо говорить... – И научила его, как следует отвечать хану-судье.

А Муравей в свою очередь обо всем поведал дочке, Пчелке. И сам шибко загрузил. Пчелка и говорит ему:

– Не печалься, отец, ложись спать, утро вечера мудреней... – И научила его, как нужно отвечать хану-судье.

Приходят утром братья. Хан-судья и спрашивает:

– Ну что, отгадали?

– Отгадали.

– Говорите.

Сперва сказал Овод:

– О, великий хан-судья, я думаю так: жирнее моей пестрой свиньи, пожалуй, нет ничего на свете; быстрее моего вороного коня тоже нет ничего на свете; самое большое на свете – это мой дом

Потом ответил Муравей:

– О, великий хан-судья, у меня нет ни свиньи, ни коня, ни дома, чтобы судить, насколько они лучше подобных себе. Но скажу: жирнее всего на свете – земля; быстрее всего на свете – мысль; и больше всего на свете – солнце.

– Твоя правда! Молодец! – воскликнул хан-судья.

И оставил за Муравьем корову-молочницу. А когда братья уходили, хан-судья спросил:

– Скажи, Муравей, ты сам придумал эти ответы?

– Нет. Дочка Пчелка подсказала мне, – сознался Муравей.

– Если она у тебя такая умная, пусть сошьет мне из шкур вшей шубу, – сказал хан-судья.

На другой день приходит Муравей и говорит:

– О, великий хан-судья, дочка моя сказала так: «Пусть хан-судья навьет мне ниток из песка, тогда я сошью ему шубу из шкур вшей».

– Когда ты придешь домой, – говорит хан-судья, – на дворе увидишь быка; передай своей дочери, пусть она заставит его отелиться.

Утром хан-судья ждал Муравья с ответом, но Муравей не пришел. Тогда хан-судья сам пошел к Муравью. Приходит. На постели лежит большой Муравей. Входит Пчелка с охапкой травы. Хан-судья спрашивает:

– Где теленок?

Пчелка молчит.

– Зачем тебе трава, если нет теленка?

– Мой отец родил ребенка, – отвечает Пчелка. – Видишь, он лежит больной. А мы настолько бедны, что нечего подстелить. Вот я и нарвала травы.

– Что ты глупости мелешь! – вскричал хан-судья. – Слыхано ли было, чтобы мужчины детей рожали?

– А ты слышал, чтобы быки телят рожали?

Хан-судья повернулся и тотчас же ушел домой.

Через некоторое время присылает он к Муравью сватов, сватать Пчелку за сына. Пчелка ставит ему такие условия:

– Я выйду за твоего сына замуж, если ты, хан-судья, будешь добр и милостив к народу, не будешь обижать другие народы, если будешь обиженных защищать и обидчиков наказывать.

Хан-судья согласился принять такие условия. Головы молодых соединились, и начался пир на весь мир. Долго пировали. Потом хан-судья с сыном сели на коней и поехали на охоту. На обратном пути отец сказал:

– Давай будем дорогу коротать.

Сын сразу свернул с дороги, и они поехали напрямик. В болоте чуть не утонули, в лесу чуть не заблудились. Приехали домой. Когда легли спать, сын и говорит жене:

– Какой глупый у меня отец. И как он только народом управляет. Когда мы ехали домой, он говорит: «Давай, сынок, будем

дорогу коротать». И поехали мы напрямик. Чуть в болоте не утонули, чуть в лесу не заблудились

– Это не отец глупый, а ты, – сказала жена. – Длинную дорогу разговорами коротают, а не так, как ты сделал. Отец вызывал тебя на разговоры, но ты не догадался.

Следующий раз, когда они отправились в дальнюю дорогу, сын все время развлекал отца разговорами И длинный путь показался им коротким

– Как хорошо я сделал, что женил сына на Пчелке, – думал хан-судья. – Это она наставляет его уму-разуму.

ВОЛШЕБНАЯ ШАПКА

Давным-давно недалеко от стойбища Караты-хана жил один трудовой человек. У него было три сына, младшего звали Астам. Построил отец каждому сыну по юрте и говорит старшему сыну: «Сегодня, мой сын, иди переночуй в своей новой юрте. Какой увидишь сон, завтра мне поведаешь». Утром отец спрашивает: «Ну, какой сон приснился тебе, мой старший сын? Каков сон, такой и жизнь будет твоя». Сын отвечает: «Во сне я ходил по тайге, промышлял. Много соболей, лисиц, выдр и других зверей добывал, за бесценок баю отдавал».

— Эзе, мой сын, ты вечный охотник будешь, трудовую жизнь будешь проводить, кровавым потом добытую пушнину так же, как и я, баям-купцам за бесценок будешь отдавать.

Среднему сыну говорит отец: «Иди ты, мой средний сын, ночуй в своей новой юрте, какой сон приснится, такая жизнь у тебя будет». Пошел средний сын в свою новую юрту ночевать. Утром пришел к отцу. Отец спрашивает: «Ну, мой сын, рассказывай, какой сон тебе приснился в своей новой юрте?»

Отвечает средний сын: «Во сне я видел охотников, пушнину у них покупал, потом баю продавал, много барыша взял».

— Эзе, мой сын, нечестную жизнь ты будешь проводить, людей будешь надувать, пот людской высасывать — добра себе наживать.

Подзывает к себе младшего сына: «Ну, а теперь твой черед, мой сын Астам, ты ночуй в своей юрте, какой сон приснится, такая и жизнь потечет твоя».

Утром спрашивает отец о том сына, какой сон он видел, ночуя в своей новой юрте. Астам в ответ: «А тебе какое дело, на что тебе

знать мой сон?» За такие слова схватил плеть отец и выпорол Астама. На следующий день спрашивает. Тот же ответ дает Астам. Отец пуце выпорол сына. На третий день спросил, такой же ответ держит Астам. Разгневался отец еще пуце, плетью угощает Астама. «Пойду к самому Караты-хану великому, пожалуюсь. Пусть он тебя хорошенько проучит. Ему скорее расскажешь, коли мне не хочешь поведать», – говорит отец сыну.

И пошел с жалобой на сына к Караты-хану. Зашел во дворец. Голову преклоняя, поздоровался.

«По какому делу ко мне пришел, трудовой охотник-человек?» – спросил его хан.

– Эзе, могучий мой хан. Мой младший сын Астам, впервые ночуя в своей новой юрте, видел чудесный сон, а мне, отцу, поведать не хочет. Я его трижды плетью выпорол, все равно не хочет рассказать. Вот пришел к тебе, мой великий хан с жалобой на сына родного.

– Анчы-кижи (охотник-человек), потребую я твоего сына к себе. Тебе не хочет поведать, мне расскажет, не захочет – заставлю, – говорит Караты-хан.

Наутро приходят два чайзана и говорят, что Астама требует к себе великий Караты-хан.

«Караты-хану я не должен, и он мне не должен, зачем мне идти к нему?» – сказал Астам.

Чайзаны (ханские слуги) пошли к хану и доложили. Караты-хан рассердился, загремел, как гром, засверкал, как молния.

– Да как он может мне, великому хану, так отвечать?

Раз свистнул, раз топнул, четыре чайзана перед ним как вкопанные встали

– Что делать? Кого бить прикажешь, наш ханствующий хан? – спросили слуги.

– Немедленно привести мне Астама. Если сам не пойдет, то руки-ноги свяжите и притащите ко мне!

«О, великий хан! Будет исполнено», – сказали чайзаны.

Пришел Астам вместе с ханскими слугами, низко поклонился, поздоровался: «Эзенок, здравствуйте, наш великий ханствующий хан, господствующий господин!»

Хан ласково принял Астама, посадил за стол, стал угощать его разными яствами и напитками. А потом спрашивает: «Ты,

ночью в своей новой юрте, видел какой-то таинственный сон, отцу своему не поведал, поведай мне».

– Никому не поведаю, – отвечает Астам,

Тут рассерженный хан как гром загремел, как молния засверкал. У Астама по телу озноб пробежал.

– Мне, хану великому, так отвечаешь? Я тебя, подлеца, в пещеру загоню, там в заточении сгниешь! Или голову сниму. Поведаешь сон – помилую, не поведаешь – задавлю, как мышонка.

– Куда хочешь, туда и девай, на то твоя ханская воля, а сна моего не услышишь.

Раз топнул Караты-хан, раз свистнул, два чайзана явились, повели Астама в пещеру, вход завалили каменной плитой.

А младшая сестра Караты-хана, увидев красавца Астама, влюбилась в него и тайком от брата стала таскать пищу и кормить Астама.

Однажды спрашивает Астам у девушки-красавицы: «Скажи, какие новости есть в вашем ханстве-государстве?»

Отвечает девушка: «Нет у нас особенно важных новостей, вот только мой брат Караты-хан жениться вздумал. В далекой земле живет девушка-премудрая без отца и без матери. Такая красавица, что ни пером описать, ни в сказке рассказать. Вот он ее и сватает. Но она ему одно задание прислала, отгадать требует».

– А какое это задание, поведай. Может быть, я помогу, – говорит Астам.

– А вот какое. Одно бревно она прислала и так его обтесала и закрасила, что ни вершины, ни комля не узнать. Она требует, чтобы мой брат установил, где комель и где вершина. Со всего стойбища народ собрался, а никто не может узнать, где вершина, где комель.

– Вот что надо сделать, – отвечает Астам. – То бревно надо положить поперек течения реки, какой стороной повернется бревно кнizu течения, та сторона и будет комель, другая – вершина.

Рассказала девушка брату все, что рассказал ей Астам.

– Откуда узнала об этом, сестрица? – спросил Караты-хан.

– Посаженный тобой в пещеру Астам рассказал, – ответила сестра.

— А как ты к нему попала?

— А я шла мимо этой пещеры, он к щели позвал меня к сказал, что нужно сделать с бревном

Велит слугам-чайзанам тащить бревно к воде великий хан, положить его поперек течения реки. Бревно комлем вперед повернуло течение, и поплыло бревно. Обрадовался хан, сделал своей рукой печать на бревне, где вершина, где комель, немедленно отправил к девушке-премудрой.

Прошло немало, немного времени. Скоро сказка сказывается, но дело медленно делается. Из далекой земли гонцы вернулись и такую весть привезли от девушки-премудрой:

— Молодец, Караты-хан, что отгадал мою первую загадку. Теперь я еще три задания дам. Исполнишь их, то буду твоей женой, если нет, то с ханства ты долой.

Узнав об этом, опечалился Караты-хан, голову повесил.

— Что загоревал? Отчего голову повесил, братец? — спросила сестра.

— Как же мне не горевать, сестрица? С первым заданием кое-как справились, а тут еще три задания предлагает моя суженая девушка-премудрая.

— Эзе, братец, хочешь я тебе помогу найти человека, который поможет выполнить все ее задания?

— О, сестрица, родная, почему не хочу? Найди, пожалуйста, поскорее.

— Вот, братец родной, зря ты посадил в пещеру в заточение молодца Астама. Мудрее его человека в нашем ханстве-государстве не сыщешь. Какой ты глупый, братец, а ханом считаешься.

Немедленно повелел Астама освободить из пещеры. Предстал Астам перед великим ханом. Приветливо встретил его Караты-хан, за стол посадил, угощать его стал.

— Астам, ты не серчай на меня за то, что я тебя в пещеру посадил. Сделай мне одну услугу, помоги мне девушку-премудрую сосватать, ее задания и загадки разгадать. Мудрее тебя нет никого в моем ханстве-государстве.

— Твоя воля, господин, чего повелишь, то и буду исполнять, но и, мне что надо, ты тоже исполняй, — говорит Астам. — Собери весь народ, тебе подчиненный, одиннадцать молодых парней,

точь-в-точь похожих на меня. А пока отпусти меня домой на три дня. Через три дня буду здесь как штык.

Делать нечего, хан Астама домой отпустил. Мало ли, много ли шел, до родного Улуса Астам дошел, в отцову юрту зашел, взял кожаную сумку отца и топор. Побежал в тайгу глухую, добежал до белокорого березового пня, который видел во сне. Живо срубил и свалил белокорый пень. Оказалось в этом пне дупло, а в дупле шапка-невидимка лежит. Взял он эту шапку-невидимку в руки и надивиться не может: пень и шапка оказались точь-в-точь, как видел во сне в своей новой юрте.

Пришел к юрте отца, надел шапку и зашел в юрту. Поздоровался, но его никто не видит и не слышит. Погостил у отца и пошел к Караты-хану. Видит, со всего ханства народ собрался, стоит как темный лес, а Караты-хан из среды народа выбирает молодежь. Увидал Караты-хан Астама, обрадовался. Стали вместе выбирать.

— А теперь, — говорит Астам, — одень нас и обуь одинаково да резвых коней нам дай.

Когда все было готово, отправились в путь-дорогу. Самому хану пару вороных, резвых коней золотыми седлами оседлали, одного Караты-хан на повод взял для невесты и отправились в путь. Много ли, мало ли ехали, много гор перевалили, много рек переплыли, наконец-то земли премудрой девушки достигли.

В этой далекой земле много народу живет, много стад пасется, стойбище немалое стоит. В крайнюю юрту заехали, там оставил 12 молодежь Караты-хан, и один поехал к девушке-премудрой. В середине большого стойбища стоит красивый шатер, в нем девушка-премудрая живет. К шатру хан подъехал, взял подарки из золота и серебра и пошел к девушке.

— Эзенок, здравствуй, премудрая девушка, моя суженая. Со златыми, серебряными, жемчужными подарками я приехал к тебе.

— О хан, Караты-хан, слов нет, подарки твои драгоценные, но ценны ли, богаты ли мысли твои? Не богатства мне твои, а мысли нужны. Дам я тебе задания, если выступишь, стану твоей женой, если нет, не быть тебе мужем моим и ханом тоже не будешь. Вот бумага тебе, подпись поставь свою.

— О, моя суженая, зачем же так? Разве нельзя иначе? — говорит Караты-хан.

— Нет. Иначе нельзя. Кто окажется мудрее меня, того женою мне быть. Хочешь, задания мои выполняй, не хочешь — восвояси обратно кати.

Делать нечего, взял бумагу, подписал и печать свою поставил Караты-хан.

А девушка-премудрая такое задание дает: «На левую мою ногу к завтрашнему дню ботинок сшей, чтобы на нем не было ни шва, ни гвоздей и чтобы он как луна сверкал, а на правую ногу я сама приготовлю».

Что делать? Караты-хан голову повесил и со слезами вернулся к слугам своим.

— Что случилось, хан мой великий? — спросил Астам. — Великий тополь на тебя свалится или великий гром грянет на тебя?

Поведал Караты-хан свою беду.

— Это ничего, мой великий хан, это не беда, а беда впереди. Ночь впереди, ляг, усни, к утру все будет готово.

Уснул, успокоился Караты-хан. Астам надел шапку-невидимку и поспешил к девушке-премудрой. Вошел в ее шатер, видит: девушка куда-то собирается, наилучшие кожи берет и в сумку кладет. Астам подошел, тоже полную сумку наклал. Вышла девушка, Астам за ней. Далеко ли, близко ли шли, к одной юрте подошли, а там седой старик за шитьем сидит. Девушка-премудрая заказ свой дает старику: сшить на правую ногу к утру такой ботинок, чтобы не было ни одного гвоздя в нем и ни одного шва.

Старик принял заказ и приступил к работе. Наш Астам, на старикову работу глядя, шьет ботинок на левую ногу. К утру старик закончил ботинок, Астам тоже. Девушка взяла ботинок, со стариком рассчиталась и пошла домой. Астам дома начал будить хана.

— Вставай, мой хан великий, ботинок уже готов.

Хан на ноги вскочил, ботинок схватил, в шелковый платок завернул. На Астама и косо не глянул, к девушке-премудрой поспешил. Ласково встретила она Караты-хана.

— Ну, как дела, великий хан? Готов ли твой ботинок?

— Конечно готов. Точь-в-точь, как твой, сшил я ботинок.

– Молодец, Караты-хан, большая смекалка у тебя. Но твоя ли рука делала, твой ли разум работал? Поживем, узнаем.

– Ну, теперь твоя душенька довольна? Пора нам две головы в одну соединить.

– О нет, не торопись, пожениться успеем. К этим ботинкам платью ведь надо. Вот к завтрашнему утру шей мне такое платье, в котором пусть не будет ни одной ниточки и шва, чтоб на нем были нарисованы все твари, какие только есть на белом свете. Пусть это платье как солнце сияет и как месяц сверкает. Такое платье к утру у меня будет готово, пусть такое же платье у тебя тоже будет готово к утру. Утром завтра сравним твоё платье с моим. И если будет маленькая несхожесть, не получишь моей руки, ханом тебе не быть.

Караты-хан опять голову повесил, горько заплакал, вернулся к слугам. Астам и спрашивает его: «Что случилось, мой великий хан? Отчего буйну голову повесил? Не гром ли великий хочет грянуть на тебя? Не великий ли тополь повалиться хочет на тебя? Какое горе-несчастье постигло?»

– Чую, что великий гром хочет грянуть на меня, великий тополь хочет навалиться на меня.

И поведал Караты-хан Астаму про задание девушки-премудрой.

– Не тужи, мой хан великий, это не беда, а беда впереди, ложись, спи спокойно, до утра далеко. К утру все будет сделано, хотя Караты-хан на меня и косым глазом не глянул вчера, но помогу в беде.

Услышал сие хан, повеселел, сердце успокоилось, лег и уснул. Астам, как только все уснули, достал из сумки шапку-невидимку и надел, никому не видим стал. Вышел из юрты и пошел к девушке-премудрой. Видит: собирается она, разноцветный шелк взяла и пошла. Астам рядом с ней пошел, но она не видит его. Дошли до юрты одной, зашли в нее, а там за столом сидит седая старуха, которая выкройку выкраивает и шьет.

Заказ дала девушка-премудрая старухе, охотно согласилась та взяться за работу. До полночи работали вместе старуха и девушка-премудрая. Такое платье сшили, что ни в сказке сказать, ни пером описать: все растения, какие есть на свете, зеленея, будто растут на платье, будто цветами разными цветут, и живот-

ных каких только нет на платье, птицы, как живые, расправили крылья. Подобно солнцу сияет, подобно месяцу сверкает платье. Положили старуха и девушка платье на стол, а сами легли отдыхать. Астам спокойно подошел невидимый, взял платье, в свою сумку положил и вышел. Хватились платья, а его и след простыл. Пришлось шить снова.

Наш Астам на квартиру вернулся, лег спать. Платье на стол положил. Караты-хан утром проснулся, глазам не верит: платье как солнце сияет, как месяц сверкает, все живое на земле на нем нарисовано. Обрадовался пуще прежнего, а на Астама и косо не взглянул. Схватил он платье, завернул в шелковый платок, поспешил к девушке-премудрой.

– Эзенок, здравствуй, моя суженая!

– Эзен, здравствуй, хан великий! Рано зовешь меня своей суженой, исполнил ли мое задание? Сшил ли платье?

– Выполнил, выполнил, моя суженая! С гордостью достал платье, и оказались два платья точь-в-точь одинаковы, да такие хорошие, что не видел никто никогда.

– Ну, моя дорогая, чай теперь твоя душенька довольна? Пора головы наши объединить.

– О, хан великий, не спеш. Еще успеем. Вот мое еще третье задание выполни, тогда посмотрим. Хотя не твоя рука и не твой ум два моих задания выполнили, а чужие. Третье задание мое будет такое: достань три золотых волосинки из головы, три волосинки – из золотой бороды. Достанешь – и я буду твоя, не достанешь – ты больше не хан в своем ханстве.

Опять Караты-хан голову повесил, загоревал и заплакал, к слугам своим вернулся. Астам опять спросил: «О чем загоревал, мой хан великий?»

– Как же мне не горевать, голову не повесить? Девушка-премудрая мне трудное задание дала.

Поведал он Астаму задание девушки-премудрой.

– Ничего, хан мой великий, хотя ты на меня и косо не взглянул, но из уважения к своему хану я помогу тебе, Караты-хан. Но это еще не гора, а горе будет у тебя впереди.

Услышав сие, хан успокоился и обрадовался. Улучив время, Астам надел шапку-невидимку, сразу стал невидимый и пошел к премудрой девушке. Видит: куда-то она собирается, разные

вина берет, разные яства, заворачивает белошелковую скатерть и белошелковую кочму. Вышла, оседлала бело-серого коня, все вещи на седло навьючила. На коня вскочила, как летучая мышь, к седлу прильнула. Астам вскочил позади на спину коня, душа девушки его не узнала. Ускакали далеко ли, близко ли. На берег белокаменного озера доехали, на зеленой лужайке остановились. Со спины коня соскочили. Белошелковую скатерть и кочму на лужайке постелила девушка-премудрая. Вина разные и яства на скатерть поставила и стала кликать: «Подводный дедушка, мой дорогой, твоя внучка к тебе с большим угощением приехала. Выходи, дорогой, мое угощение прими!» Не успела так крикнуть, море (озеро) заволновалось, расступилось. Из-под воды вышел с золотыми волосами и золотой бородой седой-преседой старичок.

— О, Эзенок, здравствуй, мое милое дитя! Давно тебя жду, не дождусь! Чего так долго не была у меня, забывать, видно, начала?

Девушка, голову низко склонив, поклонилась и бросилась в объятия деду.

Уселись друг против друга, угощаться стали. Разные вина старик попивает, разные яства кушает. Слегка опьянел старик, на кочму лег отдохнуть.

— Давай, дедушка, на голове твоей вшей поищу-ка.

Стала девушка волосы перебирать. Незаметно три золотых волосинки выдернула, а потом, бороду поглаживая, выдернула три волоска из бороды. Завернула волосы в золотой платок. Астам подошел невидимый и тоже вырвал целый пучок волос.

— Ой, что делаешь, внучка моя? Больно же, осторожно ищи! — кричит старик.

Оглянулась девушка кругом — никого нет. Вскочил на ноги обиженный старик, побежал, в воду прыгнул, тут его и видели.

Думает девушка — кто же это такой. Хану-дурачку не быть таким молодцом! Села верхом на коня и ускакала. Астам тоже не отстал, вернулся к товарищам, нашел их спящими. Золотые волосы на стол положил, а сам лег и уснул.

Утром Караты-хан видит: на столе лежит пучок золотых волос. Обрадовался великий хан, на Астама и косым глазом не взглянул. Схватил и поспешил к девушке-премудрой.

– Эзенок, здравствуй, моя суженая!
– Эзенок, великий хан, сначала задание мое выполни, а потом суженой меня называй.

Сказав это, положила на стол девушка-премудрая золотой волос, а Караты-хан рядом положил добытый Астамом. Ахнула девушка и говорит: «Эти волосы не твоей белой ручкой добыты, а чужой. Не твоя голова работает, а чужая, но она оказалась в твоих руках. А теперь приведи двенадцать своих слуг, полюбуюсь я на них, а пожениться успеем».

Пошел к слугам Караты-хан и говорит: «О, слуги мои верные, вас моя суженая требует, на вас хочет посмотреть, пойдете-ка скорее».

По дороге шепчет Астам друзьям: «Эзе, мои друзья, все вы одинаковы, все вы добры молодцы-удальцы. У девушки-премудрой мы будем ночевать. Все, что буду делать я, вы делайте то же самое». Заходят в шатер, впереди идет Караты-хан, а за ним – двенадцать молодцев.

– Ну, душенька моя суженая, всех слуг моих верных я доставил, чего изволишь сама, то и делай с ними.

– Довольна, довольна, хан великий, поженимся мы с тобой потом, а пока твои слуги – добры молодцы – пускай погостят у меня.

Всех молодцев за стол посадила, самым лучшим кушаньем накормила, самой крепкой аракой угощает, а великий хан у порога сидит, слюну глотает и думает: «Постой, постой, моя суженая. В твоей земле ты госпожа, уедем в мою землю – я буду господином, через игольное ушко увидишь ты свет, из собачьей чашки еще покормлю я тебя». Так сидит, думает великий хан, а девушка-премудрая все узнает и думает: «Напрасно ты мечтаешь, злодей. Кто кого – узнаем потом».

Красное солнце закатилось, темная ночь наступила. Всем двенадцати молодцам постелили пуховые перины, пуховые подушки под головы положили. Все враз легли, враз уснули, слегка хмельные. Девушка-премудрая пришила Астама за рубашку к постели. Проснулся ночью Астам, тихонько поднялся, пришел остальных молодцев. Видит девушка-премудрая, что обман не получился, и говорит: «Подойди ко мне, Астам, покажись!» Все сказали в ответ: «Я Астам!» и подошли к девушке-премудрой.

Все на вид и рост одинаковы, румяны, красивы. Потерялся среди них Астам.

Нечего делать. Всех опять за стол посадила, пуще вчерашнего угощает лучшими яствами, самой крепкой аракой поит, а Караты-хан лишь слюну глотает.

— Ну, моя дорогая, теперь твоя душенька довольна? Настало время в мою землю отправляться, две головы наши соединить. Нагляделась ли на моих молодцев?

— Нет, еще не нагляделась, еще люблююсь. А в твое ханство уехать еще успеем, — отвечала девушка-премудрая.

Повечерело, насупила ночь. Уснули охмелевшие от крепкой араки молодцы. А девушка не спит. Подошла к Астаму и выстригла с виска его волосы. Проснулся молодец, заметил, что волосы у виска сострижены. Взял ножницы и подстриг всех своих товарищей так же. Лег и уснул.

Утром девушка говорит: «Ззе, Астам, мой друг, подойди ко мне, посмотрю на тебя».

— Я Астам. Я Астам, — звучит со всех сторон.

Подошли все 12 молодцев к девушке.

Видит она: у всех волосы одинаково выстрижены. Смутилась девушка, голову повесила, делать нечего. Говорит она: «Эзе, Караты-хан, нагляделась, насмотрелась я на твоих молодцев, поедем в твое ханство. Погляжу я на ханство и мудрость твою. Если мудрый ты хан, получишь руку мою, нет — получит другой».

Со слезами попрощалась девушка с родной землей, с народом родным.

Мало ли, много ли ехали, доехали до земли Караты-хана.

— Ну теперь, моя дорогая, две наши головы соединим, великий той устроим на весь мир.

— Повинуюсь, великий хан. Но прежде чем наши головы соединить, исполни еще одно мое желание. Повели найти таковой казан на 90 ведер воды. Повели собрать 90 ведер молока и вскипятить. Я выхожу замуж не за простого человека, а за хана великого. И хочется мне перед свадьбой полечиться не простой водой, а кипяченым молоком.

Нашли казан на 90 ведер. Закипело молоко. Зовет девушка-премудрая помыться великого хана.

Подошли к казану и видят: молоко так кипит, что пар на небо столбом поднимается.

Говорит девушка-премудрая:

— Вот хорошо, помоемся-ка давай в кипяченом молоке. Сначала помоюсь я, а потом ты. Вскочила девушка на край казана, наклонилась и стала греть свое лицо паром кипящего молока. Нагрев лицо, отскочила прочь и говорит: «Вот я помылась, а теперь твой черед».

Встал на край казана Караты-хан и стал греть лицо. Девушка-премудрая незаметно для других его подтолкнула. Караты-хан и вскрикнуть не успел, свалился и сварился.

Крик, шум поднялся, народ со всех концов собрался. Поклонилась девушка-премудрая народу и сказала: «Ззе, народ добрый. Как вам тяжело под властью такого дурака-хана жить?»

Тут собравшийся народ в один голос заговорил:

— Туда ему дорога.

— Собаке – собачья смерть.

— Много мы слез пролили.

— Много горя вынесли!

— Выберем сами главу – правителя нашего!

На небе солнце яснее засияло, светлее месяц засверкал. Земля зеленою травой, как весной, цветами покрылась, зацвела, деревья листвой зеленой оделись. Умолкнувшие пташки снова запели, защебетали, даже под водой рыбы запели, наших друзей прославляя. Тут наши молодые Астам и девушка-премудрая встретились и улыбнулись друг другу, влюбились и поженились. Той на весь мир устроили и в сказочном мире счастливо жить остались. А я в этот солнечный мир вернулся, тут и сказу моему конец.

ОХОТНИК ПАНЮГЕШ*

Давным-давно в глухой тайге жил-был круглой сиротой охотник Панюша. Все, что в наследство от родителей осталось, — охотничье ружье. Жил в одиночестве, всеми забытый, заброшенный. Каждый день на охоту ходит, пожирнее козлов-олений выбирая, стреляет, почернее соболей убивает, приносит. Все добытое добро боярам-купцам за бесценок сдает. Как бы из нужды ни старался выбраться, не может. Однажды с охоты с большой добычей, усталый, изнуренный пришел, еле поужинав, лег на деревянную кровать, как убитый уснул крепким сном.

Проспав всю ночь напролет, утром поднялся посвежевший, умылся, что есть, собрал, позавтракал. Берет котомку и ружье — на охоту собрался. Подошел к двери, открывает, открыть дверь не может.

— Что это такое? Кто мою дверь так крепко мог закрыть? И стал пуще толкать-открывать. Немножко дверь открылась, видит, змей-чудовище лежит. Увидев чудовище, охотник Ваня так напугался, как никогда не боялся. Подобно в воде растущему тальнику всем телом затрясся. Тут белый змей-великан по-змеиному зашипел, по-человечески заговорил:

— О, знаменитый охотник Ванюша, не пугайся меня, зла тебе я не желаю, лишь добра просить у тебя желаю и тебе добра желаю. Выходи скорей, смелей, поговорим с тобою.

Сие услышав, наш Иван посмелел, к змею вышел, не боясь.

— Здравствуй, здравствуй, чудовище-великан, — белый змей. Зачем понадобился я тебе?

---

* Панюгеш, Панюша, Ваня, Иван, Ванек — один и тот же персонаж.

Белый змей ему изрек: «О, Панюгеш, знаменитый ты охотник, ты понадобился мне, за помощью твоей пришел. Если ты поможешь мне, то добром я оплачу. А теперь верхом садись на меня, куда надо повезу, а там, что будет впереди, узнаешь». Делать нечего Ване, перечить змею-чудовищу не смел, сел верхом на него.

— Теперь, Панюгеш, закрой глаза и не открывай, пока не скажу.

Не успел Ваня закрыть глаза, как змей с места тронулся, в ушах Ивана загремело, подобно стреле полетели. Если считать, бежит змей, то треск и стук, ног не слышно; если считать, летит на крыльях, то шорох крыла не слышать. Ни мало ни много летел змей и остановился, как вкопанный стал.

— Теперь, Иван, открой глаза, кругом себя осмотрись.

Тут Ваня открыл глаза, кругом, любуясь, осмотрелся. В какую землю прилетел, не знает, лишь вокруг себя с твердой почвой широкую поляну видит. Тут чудовище-змея по-змеиному зашипел, по-человечески заговорил: «Теперь, Панюгеш, спрячься за кусты густые, ружье наизготове держи. Скоро здесь начнется смертельная схватка наша с шестисаженной длины черным змеем. Если в отчаянной борьбе я буду побеждать его, то будет хорошо. Если будет он одолевать в борьбе, ты прицелишься к голове, метко стреляй тогда. Только не смей послушаться меня, только в голову стреляй. Если дашь промах, пуля отлетит прочь, не возьмет его тогда. Если в великой схватке будет победа моя, оплачу тебе добром».

Только Иван спрятаться успел, земля задрожала, небо загремело, шестисаженной длины черный змей, как стрела, прилетел. Два чудовища-змея, по-змеиному зашипели, страшные пасти открыли, начали отчаянную смертельную борьбу. С твердой почвой земля дрожит, деревья, вершинами качаясь, о землю ударяясь, ломаются, из-под ног искры летят, из пастей пламя пылает. Три дня и три ночи, не останавливаясь, борются, через три дня черный змей нашего белого змея к земле клонить стал, топтать и бить стал.

Наш Ванюша, не зевая, как напутствовал друг-змея, в голову черного змея метить стал; наметив путем, нацелившись, курок ружья спустил. Раздался выстрел, по тайге волнами разлетелось

эхо кругом. Черной кровью фыркая, черный змей по черной земле растянулся и издох. Там, где была борьба двух змеев-чудовищ, черная земля докрасна сгорела.

Сорок лет не шевелиться на ней травам.

Уставший, измученный в борьбе белый змей, голову подняв, по-змеиному зашипел, по-человечески заговорил: «Угасающий огонь мой ты зажег, умирающего меня оживил. О, мой спаситель, меткий стрелок, охотник Панюгеш, теперь в мою землю поедешь, моих родителей подарок примешь. Садись на меня опять верхом, повезу тебя я в родную землю».

Ванюша, долго не мешкая, садится верхом на змея и закрывает глаза. Куда летит, куда мчится, сам того не знает; если считать, бежит змей, то топот ног не чувствуется; если считать, птицей летит, то шорох крыльев не слышно. Ни мало ни много летел змей, остановился и говорит: «А теперь, мой спаситель и друг, открой глаза, посмотри». Ваня глаза открыл, осмотрелся кругом, видит: нагромождаясь кругом, высокие таскылы, красуясь, стоят, стройным лесом обросшие, зеленой травой покрытые. Среди них, синяя, синий таскыл, до синего неба поднявшись, стоит. Белый змей по-змеиному зашипел, по-человечески заговорил: «Вот синий таскыл мой, моя родина, сейчас войдем в него. Там мой дом, и моих родителей найдем. Мой отец, чудовище – желтый змей, слишком зол, будь осторожен, мой друг, когда зайдем в мой дом, он будет лежать с левой стороны. Увидев тебя, он грозно зашипит, длинный язык выпустит и тебя будет хватать, а ты скажи в ответ: «Что это такое? Какое чудо? Вот как за добро мое добром возвращаете, съесть собираетесь? Скажи так».

«Какое добро ты нам сделал? – скажет. Ты замолчи, отвечу ему я. Узнав от меня, что спас ты меня, он остановится, и ему станет стыдно. Моя мать тоже белая змея, как я же, она милосердная будет. Увидев тебя и меня, возрадуется, на стол поставит в горшочке кушанье, там будет всякая всячина нечистая, а ты не брезгуй, смотри поешь. Вином, яствами будут угощать, а потом тебя будут одаривать. Сначала с ног до головы серебряные деньги будут класть – не бери, а потом с ног до головы будут класть золотые деньги – откажись. Кругом тогда осмотришь, увидишь, на шкафу будет лежать грязная-прегрязная деревянная

чашечка, ее и проси у них. В этой чашечке счастье вечное, твое. Смотри не ослушайся меня».

Так, разговаривая, к зеленому таскылу подошли. Вдруг ни с того, ни с сего железная дверь открылась, они вошли в гору. Внутри зеленого таскыла такое же солнце сияет, такой же месяц сверкает. Тут золотой шатер стоит.

В золотой шатер заходят, по левой стороне великан – желтый змей лежит. Как увидел Ванюшу-охотника, страшную пасть открыл, длинный язык высунул, схватить хочет.

Говорит Ваня: «Что это такое? Какое это чудо? Вот как за добро добром возвращаете, съесть меня собираетесь?» Зашипел по-змеиному, заговорил по-человечески желтый змей: «Какое такое добро нам ты сделал? Наземного человеческого мяса давно я не ел, поесть хочу».

«О, отец, какой ты злодей, – зашипел, заговорил по-человечески белый змей. – До старости дожил, зло свое не оставил. Он мне жизнь спас. Черный змей меня бы задавил, если бы не его меткая пуля. От меткой пули его злодей-людоед подох, а я остался жив».

От слов таких стыдно стало желтому змею.

– О, мой сынок, прости меня за глупость. Одарю тебя большим богатством.

Зашипела старуха – белая змея, заговорила по-человечески: «О, сынок, спаситель жизни моего единственного сына, садись за стол, прими-ка наше угощение».

Усадили Ванюшку за стол. Достала белая змея из печи глиняный горшочек, на стол поставила, угощает.

Заглянул Ванюшка в горшок, а там лягушки, змеи, ящерицы, черви кишат. Увидав это, ужаснулся. Вместо того, чтобы в рот класть, в карман складывает. Заметил это белый змей, глазами мигает, шепотом говорит Ванюшке: «Так не делай, мой друг, не разгневай моих родителей, а то ничего не получишь».

Делать нечего, зажмурил Ванюша глаза, один хвостик змеиный оторвал, в рот положил. Пицца такая вкусная оказалась, что чуть язык вместе с пищей не проглотил, с такой жадностью и аппетитом мигом горшок опростал. Старуха-змея засмеялась, что паренек не побрезговал пищей, поставила другой горшок.

Он и другой мигом опростал. Змеи-старички в подарок дают Ванюшке серебра, золота, а он отказывается.

— Чем одарить тебя за твое добро, не знаем. Проси сам, что тебе надобно, без подарка не отпустим.

— Ну, если моя заслуга так велика для вас, то дайте мне деревянную чашечку, что на шкафу лежит. Я человек, охотой живуший, мне такая чашечка нужна, да и заслуга моя перед вами не дороже стоит сей чашечки.

Это услышавшие старички-змеи отвернулись в сторону, заплакали, повернувшись к нему улыбнулись: «Прими ее, наш дорогой», — подали Ванюше деревянную чашечку. Посадил белый змей Ванюшу на себя и помчался. Не слышит Ванюша от крыльев шума, от ног топота. Долетели до места боя. Остановился змей и молвил: «Отсюда дойдешь до дома сам, а теперь прощай, мой друг-добродетель». Сказав это, улетел белый змей.

Сел Ванюша на землю и думает, зачем я эту паршивую чашку взял, отказался от денег? Бросил чашку с досады об землю. Откуда ни возьмись, перед ним стоят два солдата, то ли с земли поднялись, то ли с неба спустились.

— Что нам делать прикажешь, господствующий господин, начальствующий начальник?

— Вот какая чудесная чашечка, — подумал Ваня.

— Милые солдатушки, донесите меня до моего домика.

— Будешь дома, ляг отдохни пока.

Наш Ванюша лег и тотчас же уснул. Проснулся, открыл глаза и видит, что он дома уже лежит на своей деревянной кровати, а чашечка деревянная лежит рядом. Сходил на охоту, настрелял зверей и птиц, поздно вечером пришел домой. Взял чашечку, кинул на пол. Откуда ни возьмись, то ли с неба спустились, то ли с земли поднялись — стоят перед ним два солдата: «Что делать, что творить прикажешь, наш господствующий господин, начальствующий начальник?»

— Сделайте, мои служивые солдаты, вместо моей старой хатки дворец с девяностю углами и с шестьюдесятью комнатами. Вокруг дворца пусть сад вырастет, в саду пусть всякие ягоды будут, какие только есть на свете. В саду пусть всякие птицы поют. Пусть по саду река течет и напоит всех жаждущих. Пусть самая красивая девушка на свете в моих объятиях будет. Да чтоб

она была не белоручка, не знатная, не ханская дочь, а настоящая прилежная и работящая девушка

– Ляг, усни, наш хозяин. К утру все будет готово, – говорят слуги.

Наш Ванюша лег отдохнуть, уснул крепким сном. Утром проснулся, глазам своим не верит. Лежит он на пуховой постели, а около него девица-красавица лежит. Кругом дворца зеленый сад растет, цветет разными цветами, усыпан разными плодами и ягодами. На деревьях птички, какие есть на свете, поют всяк по-своему. Разные звери, что есть на свете, в саду бегают. И река широкая течет, каждого жаждущего водой поит, насыщает, соседнюю желто-песчаную пустыню водой заливает, жажду живущего там народа водой насыщает.

В этом большом дворце множество народу в разных комнатах живет. Все приходят, Ванюшу благодарят за добрый прием и гостеприимство.

Ванюша с молодой женой и со множеством людей во дворце весело зажил и нужду забыл. Все, что надо покушать, на столе всегда готово.

Ванюша как страстный охотник про любимую охоту забыть не может, даже стал тосковать. Диких зверей и птиц мясо покушать захотел. Стал на охоту ходить, охота лучше прежнего удается. Однажды на целую Луну на охоту ушел. Жена молодая одна живет, спокойю не зная, за разную работу берется: то комнату чистит, то одежду стирает, то сад очищает, то за шитьем сидит. Слава пошла про молодую чету далеко-далеко.

Однажды вечером заходит к ним нарядно одетый кочаин (купец).

– Зенек, здравствуй, моя дорогая. В гости к вам я пришел, деверем я тебе прихожусь, т. е. старший брат твоему мужу буду. Прими меня, моя сестренка, не бойся меня.

– Что ты, что ты, незнакомец-человек. Мой муж мне всегда говорил, что он круглым сиротой рос. Ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер нет у него. А ты откуда объявился, человек?

– О, он меня может не знать. Он очень маленький остался, когда ушел я. Я так же, как он, охотой жил, хорошо добывал пушнину, теперь разбогател и кочаином сделался. Ну и любимую

охоту, как твой муж, не забываю. Вот я принес вам подарок – золотую чашку,

– Вот оно как, значит, ты мне деверь, ты брат моему мужу. Вот что значит сиротство, мой муж даже родного брата не знает.

Взяла хозяйка гостя за руку, посадила за стол, стала угощать, самым крепким вином поить.

– О, дорогой брат. Зачем нам твоя золотая чашка, бери ее обратно.

– О, нет, моя дорогая сноха. Я принес вам в подарок золотую чашку и обратно не возьму.

– А чем я тогда могу отдарить?

Оглянулся купец кругом, видит деревянная чашечка загрязненная лежит на шкафу.

– Вон дай мне ту деревянную чашечку, мне и хватит, очень доволен буду. Я часто езжу по торговым делам, на охоту. Эта чашечка деревянная мне всегда пригодится.

– Ну, дорогой деверь, не обижайся. Захотел эту чашечку, прими ее.

Достала чашечку и подала кочаину-купцу. Взял подарок купец, аккуратно завернул, положил в карман.

– Ну, прощай, сноха, мне пора, загостился я у вас.

– Что ты, что ты? Куда торопишься? Вот-вот Ванюша с охоты придет, повидаетесь с ним, – останавливает невестка.

– Нет, мне пора. Оставаться нельзя.

Ушел гость в неизвестном направлении. Как только ушел гость, с богатой добычей пришел с охоты Ванюшка. С улыбкой встретила молодая жена своего мужа. Сели за стол, самую лучшую пищу кушают, самые лучшие вина пьют. После еды говорит хозяйка:

– О, мой Ванюша, как ты мог позабыть своего брата?

– Какого это брата? Никакого брата у меня нет. Про какого брата ты говоришь, где он?

– Да. Твой брат у нас был в гостях совсем недавно. Тебя не дождался, домой торопился. Скоро прийти обещался, с тобой повидаться. Подарил он нам золотую чашку. Никто такого подарка не сделает, кроме брата родного. А я ему ту грязную деревянную чашку отдала. Он и ей рад остался.

— Вот беда-то. Все теперь пропало. Вся наша жизнь пропала. Какой брат, это жулик и вор приходил. Наше счастье с тобой унес, завтра же мы голые и босые останемся, самыми несчастными людьми станем. О, горе, горе мне! Что мы будем делать теперь с тобой?

Заплакал Ванюша, заплакала молодая жена.

— Последнюю ночь в мягкой постели поспим, а завтра на голых досках будем валяться, — говорит Ваня.

Утром проснулись на голых досках. Вместо дворца прежняя избушка стоит, то ли в небо дворец улетел, то ли в землю провалился.

Делать нечего, не помирать же из-за какого-то дворца. Взял ружье и охотничью котомку, пошел на охоту Ванюша. Черных соболей бьет, пожирнее маралов, выбирая, бьет. С добычей богатой возвращается, а тут скупщик его пушнину даром берет.

Приуныл, загоревал однажды в глуши Ванюша, вспомнил деревянную чашечку и заплакал.

— О, если бы не украли мою деревянную чашечку, то мою пушнину даром бы не отбирали эти мироеды.

Заплакал, зарыдал, пошел вперед и заблудился в глуши тайги.

Блуждал, блуждал по тайге, никак не может выйти к жилью. День ходит, другой бродит, третий день блуждает. Запас истощился, голодный и промерзший бродит в тайге. На четвертый день увидел в самой глуши ветхую избушку. Из трубы синий дымок к небу поднимается. Подходит Ванюша к избушке, а навстречу ему собачонка залаяла, лисенок, урга, подбежал, кот, мяукая, подошел. Все стали ласкаться, хвостами вилять, в хату приглашать.

Удивился Ванюша, пошел в хату, дверь открыл, поздоровался. Порог перешагнув, поприветствовал старика со старухой, которые жили в избушке.

— О, здравствуй, здравствуй. К нам сюда птица не залетает, зверь не заходит. Откуда будешь? Куда путь держишь, милый паренек? Как твое имя именуется? — обратились старики к Ванюше.

— Откуда я, от кого родился, сам не знаю. Куда иду, тоже не знаю. По тайге блуждаю, людей ищу. Если ровня мне попадет-

ся, то братом хочу сделаться, если старые люди попадут, — сыном хочу быть. Имя Ванюши ношу.

— Вот, вот, дорогой. Нам такого паренька и надо. Мы старики до старости лет дожили, детей не нажили. Нашим милым сыном будь, мы рады тебе, наш дорогой, — ответили старики враз.

Все, что могли, поставили старики на стол. Спать уложили уставшего Ваню. Старик со старухой век в тайге прожили, охотой занимались. Только и нажили — собачонку, лисенка и кота. Больше ничего не имели.

Мало ли, много ли прожили, Ванюша у стариков стал проситься на охоту сходить. Старики с большой радостью согласились. Говорит старик:

— Мой милый сынок. Одного я тебя не пускаю. Иди с собачонкой на охоту. А то, я вижу, молод ты слишком, в нашей тайге заблудиться можешь. А с собачонкой пойдешь, не заблудишься, домой она тебя приведет.

Взял Ванюша ружье, котомку, собачонку и пошел на охоту. Черных соболей, выбирая, стреляет, пожирнее оленей и маралов, выбирая, бьет. Собачонка разыскивать зверей помогает, за что Ванюша ее ласкает. Настрелял, набил зверей столько, сколько может унести. Домой засобирался. В полпути до дома залез на самую макушку высокого кедра, осмотрелся кругом. В одну сторону посмотрев, заплакал, зарыдал. Посидев, поплавав, спустился с кедра и пошел к избушке. Поздно вечером дошел до дома. Старики навстречу выбежали. Как к родному сыну, в объятия бросились, богатой добычей Ванюшиной нарадоваться не могут.

Старик позвал к себе собачонку и спрашивает:

— О, моя собачонка, скажи, каков наш Ванюша охотник? Как вы с ним дружили на охоте? Что ты в нем заметил? Поведай мне.

По-собачьему завизжала, по-человечески заговорила собачонка:

— Очень дружно мы с ним охотились. Не обидел меня, не карал. Только я за ним заметила одно. Когда вертались назад, он залез на высокий кедр. Осмотрелся кругом, а в одну сторону посмотрел и горько заплакал, горько, горько зарыдал. Отчего, почему? Я знать не могу.

— Что такое, что с ним? Почему он плакал, мы узнаем как-нибудь.

Зашел в хату старик и спрашивает у Ванюши:

— О, сын мой. Скажи, не скрывая, зачем ты слезы проливаешь, о чем горюешь и горько плачешь? Почему ты с заплаканными глазами пришел? Разве мы худые для тебя, пообидели, может, тебя?

— О, нет, нет, мой отец! Не обидели меня, не худые вы для меня. Не плакал я, не горевал я, а лишь только, вертаясь домой, глаза поколол о прутья в тайге. Оттого и мои глаза покраснели. Вы мне, сироте Ванюше, настоящие родители.

Успокоился старик.

Через некоторое время Ванюша опять на охоту собирается, просит разрешения у родителей. Говорят старики:

— Теперь ты возьми с собой лисенка, он поможет тебе на охоте и домой тебя приведет. Перечить Ванюша не стал. Бьет охотник в тайге соболей черных, маралов, отбирая, бьет. Пришло время домой возвращаться. Богатую добычу кое-как на себе Ванюша потащил. В полпути до дома вновь увидел высокий кедр. Снял с себя добычу, на землю положил и стал опять карабкаться на кедр. Залез на самую макушку высокого кедра, осмотрелся кругом, стал опять горько плакать и рыдать. Спустившись на землю, пошли с лисенком домой. До вечерней зари золотой дошли до дома.

Старики-родители как всегда с улыбкой навстречу ему выбежали, нарадоваться сыну не могут. И опять старик заметил заплаканные, покрасневшие от слез глаза Ванюши. Наелся, напился Ваня, усталый лег отдохнуть и уснул крепким сном.

Старичок лисенка позвал, спрашивать стал.

— Ну, как, мой лисенок, ведет себя твой молодой хозяин? Как вы с ним подружили? Обидел ли он тебя на охоте? Не наблюдал ли что-нибудь за ним?

Лисенок по-звериному зарычал, по-человечески заговорил:

— Нечего сказать. Хороший он мне хозяин будет. Не обидел он меня, не побил он меня, а ласкал он меня. Ничего я за ним не заметил такого, но только когда вертались домой, он залез на высокий-превысокий кедр. Осмотрелся кругом, посмотрел

в одну сторону и горько, горько зарыдал. Почему и отчего, а знать не могу.

— Что это с ним? Зачем он плачет? Узнаю и непременно потом в его горе ему помогу, — думал старик.

Мало ли, много ли прожили. Опять Ванюша стал собираться на охоту.

— Теперь, мой сынок, возьми с собой котенка. Он тебе поможет в охоте и домой тебя приведет, — советует ему старик.

Нехотя взял Ванюша котенка и пошел в глубокую тайгу. Удачно охота проходит, бьет лучших соболей, жирных маралов стреляет. Кое-как тащит добычу домой. К заветному кедру опять подходит, добычу наземь кладет, опять на кедр карабкается. А за ним, не отставая, котенок полез. На самую макушку Ванюша залез, а котенок еще выше влез. Куда смотрит Ваня, туда смотрит и котенок и видит: далеко, где небо сходится с землей, за широкой рекой стоит красавец-дворец, как солнце сияет, как месяц сверкает. Это увидевший Ванюша слезами залился, пуще прежнего зарыдал. В чем дело? Почему Ванюша глаз не сводит с дворца, так горько рыдает? Ничего не может понять котенок. Наплакавшись и нарыдавшись, Ванюша спустился с кедра и пошел домой. Котенок бежит следом. До вечерней зари золотой до дому дошли. Старики с улыбкой встречают его. Нарadowать сыну и богатой добыче не могут. И снова замечают старики заплаканные и покрасневшие глаза.

Потихоньку спрашивает старик у котенка:

— В чем дело? Почему он плакал опять?

Котенок отвечает:

— В далекой земле, там, где небо за рекой широкой сходится с землей, красавец-дворец стоит, подобно солнцу сияет, подобно месяцу сверкает. Как увидел Ванюша дворец, так слезами и залился, горько, горько заплакал.

Услышав сие старик и говорит:

— Вот в чем дело. Молодец, мой котенок. Зачем ему понадобился этот дворец? Я узнаю у него.

Прошло немного времени. Однажды старик спросил у Ванюши, что это за дворец, глядя на который он плакал. Долго упрямылся Ванюша, не сознавался. Стал старик неотступно спрашивать, и Ванюша сознался.

Рассказал все с начала и до конца старикам.

— О, мой милый сын Ванюша. Почему так глупо поступил? Почему от нас стариков так долго скрывал? Если бы раньше сказал, давно бы деревянная чашечка была у тебя. Пока я живой и живы мои верные животные собачонка, лисенок, котенок, мы все сделаем для тебя. Бери их с собой и отправляйся скорей за чашечкой своей.

Взяв запасы, Ванюша, собачонка, лисенок и котенок отправились в сторону дворца.

Далеко ли, близко ли, долго ли, коротко ли, глухую тайгу прошли. В чистую степь вышли, к берегу широкой реки дошли. На другом берегу широкой реки стоит красавец-дворец. На этом берегу реки седой старик неводом рыбу ловит. Ваня к старику-рыбаку подходит:

— Здравствуй, старик-рыбак, удачна ли твоя рыбалка, не приесть ли меня к себе на рыбалку.

— Удачна, мой сынок. Если хочешь со мною рыбу ловить, милости прошу.

Стал Ванюша со стариком-рыбаком рыбу ловить. Такая удачная рыбалка стала, что рыбы прямо в невод так и лезут, не успевают неводом вытаскивать их. Мигом вороха рыбы наловили. Во время отдыха Ванюша взял ружье и пошел поохотиться, серых уток пострелять. Недалеко отошел, со своими друзьями-животными советоваться стал, как быть дальше, как незамеченными для старика-рыбака широкую реку переплыть, как незамеченными ко дворцу подойти, зайти во дворец и достать деревянную чашечку.

Говорит котенок:

— Пусть мои братцы, собачонка и лисенок, переправят меня на ту сторону реки. Я достану заветную чашечку.

Незаметно для старика-рыбака, посадив братца-котенка на спины, собачонка и лисенок весело поплыли по реке. А Ванюша, серых уток постреляв, вернулся. Стали опять с рыбаком рыбу ловить и время проводить.

Тем временем три брата-животные переплыли без труда широкую реку, подошли ко дворцу и видят, что дворец огорожен железным заплотом, таким высоким, что ни зверю не перелезть, ни птице не перелететь. Собачонка с лисенком под заплотом ход

немедленно прорыли, котенок моментально пролез и в ограду попал, обошел вокруг дворца и вдруг увидел котенка, похожего на него самого. Подбежал, схватил его и притащил к железному заплоту, к норе, через которую попал в ограду. Братцы подхватили пойманного котенка и бросили его в реку.

Наш котенок туда, сюда бегаёт, играет, всех к себе привлекает. Вышла служанка, понесла котенка во дворец. А там муж с женой, хозяева дворца, за золотым столом сидят, пируют. После трапезы легли на золотую койку, уснули крепким сном. Наш котенок через все 60 комнат дворца пробежал, нигде не видит деревянной чашечки, забежал в печь, давай оттуда пепел разбрасывать по полу. Пыль столбом поднимается, всю комнату пылью, подобно туману, заволокло. Муж с женой спят, храпят, пыльным воздухом дышат. Начали задыхаться, проснулись – ничего не поймут. Стали кричать служанок, чтобы они их из дома вытащили.

Откуда ни возьмись, полная комната служанок набежала, кто за ноги, кто за головы, схватили мужа и жену и потащили их на улицу. Тем временем наш котенок поднял подушку, под которой и нашел деревянную чашечку. Схватил ее зубами и побежал. Никто котенка в суматохе не заметил. Прибежал наш котенок к заплоту железному, через норку пролез и вышел с ограды. Двое его друзей тут как тут. Собачонка и лисенок с чашечки глаз не сводят, котенку завидуют. Всяк себе думает, вот теперь котенок унесет чашечку хозяину, а тот его похвалит, а нас не похвалит. Подошли к реке, лисенок и говорит:

– Отдай мне чашечку, котенок.

– Нет, не отдам. Ты лисенок хитер. Хозяину скажешь, что чашечку ты достал, – говорит котенок.

– Отдай чашечку мне, котенок, – говорит собачонка.

– Нет, не отдам, собачонка, – отвечает котенок. – Ты, собачонка, скажешь, что чашечку ты достала, а не котенок.

– Если не отдашь нам чашечки, мы тебя не поплавим, пльви сам, – говорят собачонка и лисенок.

Заплакал котенок, да делать нечего. Сел на спину собачонке, поплыли на середине реки, собачонка схватила у котенка чашечку да выронила. Не смог поймать чашечки и лисенок, как ни старался.

Заплакал котенок, и заплакали все. Что теперь хозяину скажут? А Ванюша друзей у берега поджидает, берет их на руки и новости спрашивает. Повесили головы собачонка и лисенок, молчат. Пожаловался на своих друзей котенок. Но не загрузил Ванюша.

– Молодец, котенок! Вы все молодцы, что сумели достать из дворца чашечку. А со дна реки сумеем достать.

Погладил Ванюша всех своих друзей и разрешил повеселиться, поиграть. Сам же Ваня подошел к старику-рыбаку и говорит:

– Давай, старик-рыбак, невод закинем с этого берега на другой. Мои друзья-разведчики только что сказали, что по ту сторону реки рыбы много разной плавает.

Долго старик не соглашался, но, наконец, согласился. Сели на лодку, поплыли, невод за собой потянули, насили дотянув до этого берега, стали вытаскивать невод, да вдвоем вытянуть не могут, Ванек крикнул друзей. Схватили невод зубами, мигом вытащили на сушу. Смотрит Ванек, а в рыбе – деревянная чашечка.

– Дедушка, – говорит Ванек старику. – Возьми себе всю рыбу, а я – охотник и возьму только деревянную чашечку. Она мне на охоте пригодится.

– Бери, бери, сынок, коли она тебе так надобна. А мне старику и рыбы ладно.

Прощался Ваня со стариком и пошел с друзьями домой. Ласково встретили родители названные своего сына, новости расспрашивают. Все рассказал Ванюша, как дело у них было. Старики подвигами верных животных восхищаются, гладят их, целуют. Наступил вечер. Кинул Ванюша деревянную чашечку об землю. Сразу же два молодца-солдата перед ними как вкопанные встали

– Что делать, что творить велишь, наш хозяин? – говорят.

– К завтрашнему утру пусть дворец-красавец в нашей земле станет. Пусть моя жена-подруга в мои объятия придет. Обманщик злодей пусть гол как сокол останется, пусть нищим станет, по миру пойдет.

– Утро вечера мудренее. Ложитесь, спите. Все будет к утру готово, – отвечают молодцы.

Прospали всю ночь напролет крепким сном. Поутру встали и глазам своим не верят: стоит пред ними дворец-красавец, милая жена лежит на золотой кровати и на мягких перинах. А на столе каких только яств и кушаний нет, вина разные стоят. Вокруг дворца, зеленея и красуясь, сад стоит, разные плоды на деревьях висят, разные птички на разные голоса поют, разные звери бегают, и каждый по-своему говор ведет. Наши животные с ними веселятся, бегают.

Сели за стол. Накушались, наелись. Ванюша на улице вышел, чашечку кинул об землю. Снова перед ним двое солдат стоят и ждут приказаний.

– Что делать велишь, что творить, приказывай, наш добрый хозяин.

– О, мои молодцы добрые. Для меня на мой век вы блага создали, я доволен вами. Теперь вы мне не нужны. Пойдите-ка по нашей земле, помогите-ка тем, кто бедно живет. А тех, кто людей обижает, разоряет их, зло на земле сеет, тех разоряйте. Зло на земле не оставляйте.

– Все будет сделано, о добрый наш хозяин. К завтрашнему дню зла на земле не будет, нуждающиеся нужду забудут.

После этих слов исчезли молодцы.

Стали жить Ванюша с родителями и женой молодой весело и богато. Ванюша на охоту ходит, всегда с богатой добычей возвращается. Жена молодая то готовит, то шьет, то сад очищает, на все руки мастерица стала.

Двое молодцев-солдат на земле зло уничтожают, бедных от нужды освобождают, обидчиков-злодеев разоряют.

ЧОК АНЧЫ

Давным-давно это случилось. В дремучей тайге жили старик со старухой. Весь век они охотились и кроме старого ружьишка ничего не имели. Был у них единственный сын. На охоту ходить он был еще мал. А отец совсем состарился, стал хил и слаб. Руками пищу в рот не может положить. Даже встать не может, чтобы воды напиться.

Много ли, мало ли прошло времени, однажды старик говорит сыну:

— Ээе, мой сынок, охотиться на зверей и птиц прошло мое время. Хотя ты еще мал, но придется тебе заменить меня. Возьми вон мое ружье и иди в тайгу, промышляй зверя, птицу. Себя будешь кормить и нас.

Старухе жалко было сына, но делать нечего. Собрала его на охоту, отдала последние съестные припасы. Навьючил на себя паренек сумку, попрощался с родителями и отправился в лес. Забрел в самые дебри. Сделал шалаш и начал охотиться. День ходит, другой — ничего на может добыть. Неделю ходит, другую — пусто. Словно кто нарочно всех зверей и птиц выгнал из тайги. Даже мышь не попалась ни разу. Заблудился в лесу и не знает, где дом, где шалаш. Чем больше ходит, тем больше блуждает. А тут вся пища вышла. От усталости и голода занемог паренек. Забрел в болото, и нет сил выйти. Лег и думает:

— Вот здесь, наверное, и умру. И никто не будет знать об этом: ни мать, ни отец.

Сказал так и горько заплакал.

Ни мало, ни много прошло времени, вдруг синее небо почернело, светлый день померк, как будто солнце закрыли грозовые

тучи. Паренек открыл глаза и видит: прямо на него с неба спускается Хан-птица с железными крыльями и железным клювом. Сцапала его острыми когтями и подняла в воздух. Паренек ни жив, ни мертв — сам не может понять: если считать себя мертвым — живой кажется, если считать живым — мертвый кажется.

Летела, летела Хан-птица и долетела до чернокалистых гор, за которыми лежало громадное черное озеро. На берегу черного озера, у подножья чернокалистых гор раскинулось великое стойбище, конца краю которому нет. Жило здесь много народу, подчиненного Кара-хану. На тучных полях и лугах паслись бесчисленные стада коров, отары овец, табуны лошадей. Посередине стойбища стоял каменный дворец невиданной красоты. Хан-птица опустилась к этому дворцу. И только прикоснулась к земле, сразу спало с нее оперение, и перед всеми предстал человек. Это был сам Кара-хан. Сорок дочерей кликнул он и передал им полуживого-полумертвого паренька. Сказал:

— Посадите его в курятник. Пусть живет вместе с курицами. И кормите его отрубями.

Сорок дочерей, не смея послушаться отца, приняли паренька. Жалея и вздыхая, отнесли его в курятник, заперли вместе с курами. Насыпали ему отрубей. Проголодавшийся паренек, не брезгуя ничем, набросился на отруби.

Жалко стало паренька младшей дочери Кара-хана. Тайком, чтобы никто не видел, она пробралась в курятник и принесла ему пищу с ханского стола, сама обратно незаметно скрылась. Паренек, наполнив опустевший желудок, сразу повеселел.

Однажды Кара-хан потребовал к себе паренька и спрашивает:

— Ну, что? Скучно с курами сидеть и отруби есть? Чтобы ты не скучал и зря не ел отруби, я дам тебе одно дело.

Сел он на вороного коня, посадил за собой паренька и поехал. Приезжают на берег черного озера, обросшего густым высоким камышом, слезают с коня. Кара-хан подает пареньку железное сито и говорит:

— Вот этим ситом ты должен за ночь перетаскать все черное озеро вон за тот черный таскыл. К утру чтобы галька была сухая,

песок рассыпался. Сделаешь – награжу, не сделаешь – голову сниму.

Дав такой наказ, Кара-хан уехал.

Остался паренек один на берегу. Зачерпнет железным ситом воду, она сразу вытечет обратно в озеро. Ничего не получается. Сел он на камень, обхватил голову руками и горько заплакал.

Незаметно подбегает к нему младшая дочь Кара-хана.

– Здравствуй, паренек. Что случилось? Почему плачешь, слезы льешь? Я Кара-хана младшая дочь. Хочу помочь тебе. Скажи, не скрывай, что за горе у тебя?

– Как мне не плакать, как слезы не лить, когда я последний день живу на свете, – отвечает паренек. – Видишь это озеро? Твой отец Кара-хан приказал перетаскать всю воду вот этим ситом за тот вон высокий таскыл. Если, говорит, не выполнишь к утру – голова с плеч долой. Вот почему я плачу, слезы проливаю.

– О, паренек, это уж не такая большая беда, – говорит девушка. – Большая беда – впереди. У моего отца есть волшебная книга, в которой заключается вся мудрость, собраны все смекалки. Я постараюсь завладеть этой книгой и помочь тебе, а сейчас ляг, усни. Утро вечера мудренее.

Паренек повеселел, успокоился. Лег и уснул.

Закатилось красное солнышко. Наступила темная ночь.

Когда все уснули, девушка тайком овладела волшебной книгой. Когда стала читать ее, вдруг черное озеро, обросшее густым камышом, заволновалось, зашевелилось, и вода сама собой потекла за черный таскыл. За ночь все озеро перелилось на новое место. Ни капельки не осталось. На дне галька сухая да песок рассыпался.

Паренек всю ночь проспал. Утром поднялся, смотрит, – глазам своим не верит. А когда руками пощупал – поверил.

Появилась девушка и говорит:

– Ну, паренек, скоро отец мой придет. Чтобы не вызвать подозрений, что это не ты сделал, займись делом. Ходи по дну озера, травку и прутики собирай. Будто работаешь. А я скроюсь, домой убегу.

Паренек нарадоваться не может. Спустившись на дно озера, прутики и травку собирает, в кучу складывает. Вид показывает, будто усердно трудится.

Видит, Кара-хан на вороном коне едет, стальной меч по земле волочится.

— О, здравствуй хан, великий начальник из начальников, твой наказ, насколько мог, — выполнил. Посмотри! — говорит Чок Анчы.

Кара-хан смотрит и от удивления качает головой.

— Молодец! У тебя много оказывается смекалки и мудрости.

Сажает паренька на седло сзади себя и едет домой. Приехав, велит снова запереть в курятник да побольше отрубей дать. Сорок дочерей, не смея послушаться отца, выполняют его приказание. Младшая дочь Кара-хана, скрываясь и прячась, опять тайком пробирается в курятник и приносит пареньку пищу.

На следующий день Кара-хан снова потребовал себе бедного охотника. Посадил его на седло и поехал в лес. Приезжают в дремучую тайгу. Кара-хан дает пареньку деревянный топор и говорит:

— Вот этим топором ты должен за ночь вырубить весь лес. Не оставить ни одного дерева, ни одного прутика. Дрова собери и сложи в одну поленницу. Работу выполнить к утру. Сделаешь — награжу, не сделаешь — голову сниму.

Дав такой наказ, Кара-хан сел на вороного коня и уехал.

Остался паренек один в лесу. Взял топор, рубанет дерево — топор отскочит. Не только дерево свалить, даже ни одной щепки не смог вырубить. Сломал топор. Бросил. Сел на сырую землю и горько заплакал.

Незаметно подбегает к нему дочь Кара-хана.

— Здравствуй, паренек! Что случилось? Почему плачешь, слезы льешь?

Паренек отвечает:

— Как же мне не плакать, как слезы не лить, когда я последний день на земле живу. Видишь этот лес без конца и края? Отец твой Кара-хан приказал вырубить его деревянным топором за одну ночь, порубить на дрова и дрова сложить в одну полен-

нищу. Если, говорит, не выполнишь – голова долой. Большая беда на мою голову свалилась!

– О, паренек, это уже не такая большая беда, – говорит девушка. – Большая беда – впереди. Я постараюсь помочь тебе. А сейчас иди и спать ложись. Утро вечера мудренее.

Паренек успокоился, лег и уснул крепким сном.

Закатилось красное солнышко. Наступила темная ночь.

Девушка вытащила из кармана волшебную книгу. Когда стала читать, вдруг весь лес повалился. На месте поваленного леса куча дров образовалась. Она росла все больше и больше и вскоре до самого неба поднялась. Шум и треск такой стоял, что за девять земель было слышно.

Утром паренек проснулся и видит: что за чудо, там, где был лес, – чисто, гора дров лежит до неба. Глазам не верит. А когда руками потрогал – поверил. Мудростью девушки восхищается. Слов не может подобрать, чтобы отблагодарить ее.

Появилась девушка.

– Ну, паренек, приготовься, отец сейчас придет Прутья и щепки собирай, делай вид, что работаешь.

И сама снова исчезла.

Обрадованный паренек деловито ходит по поляне. Ветки, прутья и щепки собирает, в кучу складывает, делает вид, будто он усердно трудится.

На вороном коне подъезжает Кара-хан, стальной меч по земле волочится. Смотрит кругом и от удивления головой качает.

– Молодец! У тебя много оказывается смекалки и мудрости. Садись на коня, поедем домой.

Паренек сел, и поехали они в стойбище Кара-хана

Кара-хан опять велит запереть паренька в курятник. Отрубей еще больше дать велит. Младшая дочь Кара-хана опять тайком пробрается в курятник и приносит ему пищу.

На третий день Кара-хан снова вызывает к себе паренька.

– Ну, последний раз испытаю тебя. Если выполнишь мое поручение – богато награжу, не выполнишь – пеняй на себя.

И поехали они – Кара-хан в седле, паренек сзади.

На середине осушенного черного озера спешились. Кругом песок, вдали густой камыш растет.

Кара-хан дает пареньку деревянный топор и пилу и говорит:

— Вот на этом месте за ночь построй золотой дворец из шестидесяти комнат о девяноста углах.

Дав такое приказание, сел на коня и уехал.

Остался паренек один на дне громадного высохшего озера. Посмотрел кругом: не только золота, но даже ни лесу, ни камней поблизости. Сел на горячий песок и горько-горько заплакал. До самого вечера смотрел в сторону ханского дворца, не появится ли девушка. Как только наступили сумерки, девушка тут как тут.

— Здравствуй, паренек! Что опять случилось? О чем плачешь? Что за горе у тебя? Может, я помогу?

— О, добрая девушка, разве удивительно, что я плачу? Нет уж, наверно, мне больше не жить, — печально опустив голову, говорит паренек. — Сегодня последний раз я видел солнечный свет. Кара-хан, твой отец, опять дал мне задачу: вот этими деревянным топором и пилой построить золотой дворец.

— О, паренек, это уж не такая большая беда, — говорит девушка. — Большая беда — впереди. Я помогу тебе Утро вечера мудренее.

Паренек повеселел, успокоился, лег и уснул. Опять закатилось красное солнышко. Опять наступила темная ночь

Девушка вытащила из кармана волшебную книгу и стала читать. Расступилось дно озера, из-под земли медленно стал подниматься золотой дворец, освещенный яркими огнями.

Всю ночь паренек крепко спал. Утром, проснувшись, видит перед собой великое чудо: золотой дворец стоит из шестидесяти комнат о девяноста углах. Появилась девушка.

— О, сумею ли я отблагодарить тебя! — воскликнул паренек, ища глазами девушку. — Ты трижды спасла мне жизнь.

— О, паренек, благодарности мне твоей не нужно, — ответила она. — Ты скорей бери свой топор, иди по дворцу и стучай, будто работаешь. Мой отец Кара-хан больше не даст тебе поручений. Он тебя полюбит теперь и скажет: «У меня есть сорок дочерей, самая лучшая из них — младшая. Если сумеешь из них выбрать ее — замуж за тебя отдам». Он посадит нас за книги. На лицо мы все одинаковы и одеты одинаково, так что меня трудно будет

узнать. Но ты не теряйся, примечай: кто слегка корочку в книге пошевелит, ту и хватай за руку. Когда поймаешь, скажешь: «Вот моя суженая». Он ответит: «Хорошо, хорошо, молодец!» Потом он превратит нас в сорок гусей и скажет: «Если ты мудрый, найди свою суженую среди сорока гусей». А мы все будем белые, как снег. И прежде чем меня найдешь, можешь трижды умереть и трижды воскреснуть. Нам насыплют овса, и все мы будем есть. Но чтобы ты узнал меня среди сестер, я буду слегка крылья поднимать. Ты тогда хватай меня за шею правой рукой и громко говори: «Вот моя суженая». Отец ответит: «Молодец, паренек. Острый глаз у тебя. Раз узнал свою суженую, бери ее себе в жены». Две головы наши тогда соединятся. Смотри же, паренек, не забывай, что я тебе сказала.

Научив так, сейчас же скрылась. Паренек берет топор, ходит и по углам постукивает. На вороном коне подъезжает Кара-хан, стальной меч по земле волочится. Смотрит на дворец и надивиться не может.

– Молодец! Ну что же, теперь больше поручений не будет тебе. Из сорока моих дочерей самая красивая – младшая. Если хочешь – в жены тебе ее отдам. Зятем моим станешь. Когда я умру, – ханом будешь.

Садятся на вороного коня и едут домой.

Кара-хан теперь не сажает паренька вместе с курами. Заводит в свой каменный дворец. За стол золотой усадил, самой лучшей пищей кормит, самой лучшей аракой угощает. Потом за руку берет, в другую комнату ведет. Здесь за сорока столами сорок девушек сидят, все книги читают. Все красивые, все румяные, все одинаковые на лицо.

– Это мои дочери, – говорит Кара-хан. – Найди свою невесту.

Сорок девиц сорок раз они обходят. Сколько паренек ни смотрит, не может узнать свою невесту. Потом заметил: одна девушка слегка корочку книги приподняла. Паренек подходит к ней и берет за руку:

– Вот твоя младшая дочь, моя невеста.

Кара-хан ответил:

– Хорошо, хорошо! Молодец, паренек!

Тут же, пока они говорили, сорок девушек в сорок гусей превратились, насыпали им овса. Они смешались все, гогочут.

— Ну, молодец, — говорит Кара-хан, — если ты мудрый, найди свою невесту среди сорока гусей. Найдешь — своими руками отдам тебе ее. Больше поручений у меня не будет.

Паренек сорок гусей сорок раз обошел. Видит — все белые, все одинаковые, все красивые, которая из них младшая дочь — узнать не может. А потом замечает: одна гусыня, слегка приподняла крылья, торопливо ест овес. Паренек подходит к ней, хватается за шею правой рукой и говорит громко:

— Вот твоя младшая дочь, моя невеста!

— Молодец, паренек, — отвечает Кара-хан. — Смекалки и мудрости у тебя много. Глаз как у сокола. Ну, что ж, мою младшую дочь своими руками тебе отдаю. Две головы ваши соединяю. Будь моим зятем!

За руки обоих берет, в каменный дворец вводит, самой хорошей пищей угощает, самой крепкой аракой поит. Две головы соединили — большой той устроили. Много-много народу собралось на свадьбу. Девять дней угощали всех до единого.

Когда той прошел, Кара-хан говорит:

— Ну, мои дорогие детки, у вас есть свой золотой дворец из шестидесяти комнат о девяноста углах. Идите и живите в своем дворце. Когда я умру, народом управлять будете.

И, обращаясь к зятю, говорит:

— Девять моих сыновей — все дураки. Ханом, кроме тебя, некому быть.

**Степан Торбоков
о родном крае и о себе**

СТЕПАН ТОРБОКОВ О СЕБЕ

Родился в конце 1900 года 24 декабря в улусе Осинники (ныне город Осинники). В 1913 году окончил церковно-приходскую школу. В 1914 году попытался поступить в Бийское катехизаторское училище, но не выдержал вступительный экзамен, а в гимназию сыну охотника-шорца не было доступа.

Еще в детские годы я очень увлеченно слушал исполнение под аккомпанемент кай-комуси сказителя-поэта Ивана Константиновича Тельбезакова (Куштай Иванги). Дословно запомнил каждое сказание. А когда подрос, сам стал исполнять героический эпос. Во время колчаковщины хотел идти в партизаны, но передовые шорцы того времени – партизаны Федор Николаевич Токмашев и Александр Ильич Пебызаков – посоветовали ходить с кай-комусом в народ и петь героический эпос с тем, чтобы героические сказанья были поднимали дух людей. Народ меня как юного сказателя слушал с огромным вниманием. После изгнания колчаковщины стал работать в родном селе наркомом и уполномоченным сельсовета и стал разъяснять односельчанам советское законодательство и помогать людям управлять своим хозяйством.

Стихи начал писать еще в юные годы, но они были неуклюжие и исключительно – любовные. В 1930 году меня послали в г. Красноярск на учительские курсы. Прослушав эти месячные курсы, я был направлен учителем в Тенешскую школу Горной Шории.

Проработав в этой школе два года, был переведен в Тайлепскую школу преподавателем географии и биологии. Сразу почувствовав недостаток знаний, стал работать, учиться. Таким образом, работая, учился 15 лет. В 1943 году окончил при Томском государственном университете заочное отделение пединститута, получил диплом с правом преподавания географии в средней школе. Еще в юные годы очень высоко ценил героический эпос нашего народа. Когда ушел с работы на заслуженный отдых, с целью сохранить от забывания замечательное поэтическое народное творчество – героические сказания – стал записывать на родном языке и построчно переводить на русский язык. Таким образом записал и перевел около 60 сказаний.

Отец мой Семен Леонтьевич слыл знатным охотником-следопытом, а поэтому с ним вместе зимой на лыжах, в погоне за хищным зверем, прошел почти весь Кузнецкий Алатау, летом ходили за кедровым орехом в горношорскую тайгу.

Молчат, призадумались горы,
Но снова, в который уж раз,
Я слышу глухие укоры:
«Зачем позабыл ты про нас?»
Родные мои, не корите,
Не мог я забыть вас, не мог,
Хоть нет уже силы и прыти
Взобратся на дальний отрог.
Ни вами, ни мной не забыто,
Что давней, минувшей порой
Такому, как я, следопыту
Был соболь доступен любой.
Не сетуйте, други – не надо...
Два раза не быть молодым,
Мы рады цветению сада,
Где жить поколениям другим.

ШОР-КИЖИ*

Помню, в детстве, играя с ребяташками на берегу речки Кандаlepки, мы частенько находили округлые, похожие на лепешки и тронутые ржавчиной тяжелые камни. Тогда я не знал еще, что это вовсе не камни, а «тебир-поктары» — остатки шлаков древних плавильных печей, живая встреча с кузнечным искусством моих предков, которые несколько столетий назад плавилИ железо и делали из него наконечники стрел, мотыги, топоры, ножи, всевозможную хозяйственную утварь. А когда, подросши, узнал, то стал расспрашивать стариков, внимательно прислушиваться к легендам и преданиям, извлекая из них крупИцы подлинной истории моего народа. С тех пор история шорцев стала неотъемлемой частичкой всей моей жизни.

До 1925 года, когда постановлением советского правительства был образован национальный Горно-Шорский район, нас называли кузнецкими татарами, имея, вероятно, в виду ремесло наших предков, или, как телеутов и кумандинцев, — просто туземцами. А шорцами стали мы зваться по имени самого большого рода «Шор».

Прежде шорцы жили родами-чонами. Северную часть Шории «поделили» меж собой Барсияе чону, Бежбаяк чону, Аба-лар чону, Табыска чону, южную — Калар чону, Шор чону, Кызай чону и другие. Несколько родов-чонов облюбовали себе низовья реки Мрассу.

Во главе каждого чона стоял паштык — управляющий, избираемый на сходке мужчинами не моложе восемнадцати лет. Женщины к выборам не допускались.

Немалый интерес представляет сам ход выборов. Каждый из собравшихся подходил к кандидату на должность паштыка, дотрагивался до него рукой, одобряя таким образом выбор, или хватал его за правую руку и сильно хлопал по плечу. Кандидат как бы старался убежать от таких «ласк», но его крепко, весело хохоча, держали несколько сильных парней. И тогда, будто бы уступая воле народа, кандидат «смирляся» и принимал на себя обязанности паштыка.

---

* КИЖИ — человек.

Вероятно, отсюда и пошло слово «тударга» – «держать», а не выбирать. И по сию пору в дни выборов у нас говорят «в совеке тударга» – не избирать, а держать советскую власть.

Разумеется, при выдвижении кандидатов на должность паштыка разгоралась настоящая борьба между байской верхушкой и беднячко-среднячком частью населения. И чаще всего избирали середняка, чтоб никому не было обидно. Так, на моей памяти, паштыком Барсиятского чона был избран середняк Павел Малышев, а паштыком Бежбаяковского чона – середняк Егор Тайбичаков. Они были последними паштыками. Столыпинская реформа, направленная на ликвидацию общинного крестьянства, положила начало распаду чонов, росту кулачества и обнищанию основной части населения.

Преступников, к стати сказать, судил сам народ на общем собрании – сходке. Основной формой наказания была порка сырыми прутьями. Чем тяжелее вина, тем больше прутьев. Но бывали случаи, когда сход присуждал виновного к тюремному заключению или высылке из родных краев, за пределы губернии. Решение схода было окончательным.

Тех же, кто совершал особенно тяжкие преступления, как-то убийство, грабеж, насилие, судили три паштыка из соседних чонов. Приговор тогда посылался на утверждение в мировой, уездный суд, и не было случая, чтобы мировой судья не утвердил решения паштыков.

Все это было сравнительно недавно, каких-нибудь пятьдесят-сто лет тому назад. Отдаленные же наши предки вели в основном кочевой образ жизни. Зимовали в горах, потому что зимой на возвышенности теплее, чем в низине, а летом спускались и долины рек и речушек. Жили в шалашах. Зимой охотились, а летом занимались рыбной ловлей, собирали и сушили кандык, саранку и другие съедобные растения и корни.

Те, кто жил на юге Шории, с давних времен научились раскорчевывать тайгу и обрабатывать землю. Орудиями труда были мотыги да деревянные грабли, но и с их помощью, тщательно и заботливо ухаживая за ростками пшеницы, ячменя, овса, удавалось собирать неплохие урожаи. Каждый колосок бережно выдергивался с корнем. Колоски связывались в небольшие снопики, которые подвешивались затем на жерди для сушки.

Скотоводством шорцы не занимались, хотя и знали названия почти всех домашних животных. «Не корми ребенка молоком. Разве молоко для ребенка пища?» – говорится в одной из шорских легенд.

Вплоть до Октябрьской революции, а в отдаленных улусах даже и в первые годы советской власти, покойников не зарывали в землю, а в гробах или просто завернутыми в бересту подвешивали к крепким сучьям деревьев. Гробы выдалбливали из кедра, сосны, ели, а снаружи обтесывали.

Шорцы верили в чистого духа Улгена и злого духа Эрлика. Улген, как и русский бог, находился на небе, а злодей Эрлик – в подземном царстве. Улген даровал счастье и жизнь. Эрлик напускал на людей несчастья и болезни. Возможно, потому и покойника подвешивали на дерево, чтобы он не попал в лапы к злому Эрлику. Пусть лучше возьмет его к себе достославный Улген.

При принятии христианской религии шорцы стали двоеверцами. Исполняли христианские обряды, но не забывали и своего Улген-хана. В случае какого-нибудь несчастья, призвав шамана-кама, обращались за помощью не ко Христу, а к своему старому знакомому.

Новый год отмечался шорцами весной. Я хорошо помню, как в детстве, лишь только прогремят раскаты первого грома, все жители улуса, стар и млад, выбегали на улицу, снимали шапки, платки, бросали их вверх и восторженно и радостно кричали: «Пусть мой старый год меня оставит! Пусть новый год придет ко мне!» Затем все бежали к реке и умывались. Через несколько дней, пока не распустились на деревьях листья, народ приходил к священной березе – шачыла. Каждый приносил в туеске приготовленную для этого случая брагу и разноцветные ленты для украшения священной березы. Когда собирался весь улус, один из стариков брал в правую руку поварешку, в левую – туесок с брагой, подходил к березе и, стоя лицом к востоку, окроплял ее брагой, а затем, обращаясь к священной березе от имени всех жителей улуса, начинал моление:

Змеиная голова зашевелилась,
Жизнь вновь к нам вернулась.
Горные двери открылись,
Горы и воды согрелись.

Старик пел, а остальные, затаив дыхание, с благоговением вслушивались в таинственные слова молитвы. Ведь он молил природу даровать людям в новом году счастье и здоровье, мирную и благополучную жизнь, удачливую охоту и хороший урожай.

Названия месяцев у шорцев связаны с явлениями природы и хозяйственной деятельностью человека. Так, январь – «кичиг кырлаш» – морозный месяц, февраль – вьюжный, март – перевальный (в мартовское новолуние глухари переходят из одной долины речки в другую, переваливая горные хребты или гривы), апрель – месяц бурундука (зверек выходит из нор на поверхность, начиная добывать себе пищу), май – месяц мотыги, июнь – месяц прополки, июль – месяц сенокоса, август – месяц молнии, сентябрь – месяц жатвы, октябрь – месяц молотьбы, ноябрь – месяц охоты и декабрь – старший месяц. Ни о каких числах месяца шорцы не знали. Счет дням велся по фазам луны. Охотники, уходя в тайгу на промысел, говорили, что вернутся в таком-то месяце, когда луна будет на ущербе или наоборот, и наказывали домашним к тому времени приготовиться к встрече.

На охоту уходили в новолуние или полнолуние. Считалось, что тогда охота будет удачливее. Даже лес для жилья старались заготавливать в новолуние, полагая, что он будет крепче и долговечнее.

День возвращения промысловиков отмечался особо торжественно. К этому дню варилось пиво, готовились вкусные кушанья. Собирались все родные, приглашались знакомые, охотника поздравляли с возвращением и добычей. Веселье длилось несколько дней. Неплохой этот обычай сохранился и до сих пор.

До столыпинской реформы шорцы платили так называемый государственный албан – налог пушниной. Каждый мужчина должен был сдать шкурку лучшего колонка либо горностая, от шести охотников в государеву казну шла шкурка соболя либо крупной выдры.

Оплата албана отмечалась на отесанной палочке рубчиком, потому что грамотных людей почти не было. Я помню лишь, что на девять чонов был один грамотный писарь, и в каждом улусе его встречали как редкого и почетного гостя.

День сбора албана назначался паштыком и обязательно летом – в июле или августе, когда заканчивался сенокос, а время для уборки урожая еще не подошло. И хотя людям приходилось бесплатно отдавать с таким трудом и риском добытые шкурки, все же этот день отмечался торжественно – расплатились, дескать, с долгом, теперь гуляй на здоровье.

На собранные с каждой семьи деньги покупался жирный бык или корова-перестарка. Быка или корову тут же забивали и варили в казанах. Из тяжелых плах составлялся огромный круг. В первую очередь на самые почетные места усаживали стариков и старух, затем садились охотники и уж после – все остальные. Специально избранные для этого случая юноши и девушки разносили в чашках нарезанное мясо, а мужчинам-охотникам преподносились большие кости с мясом. После «пиршества» старики и пожилые люди пели песни, а молодежь устраивала состязания в борьбе и беге. Девушки плясали в кругу, дети играли в лапту.

На таких вот празднествах холостые мужчины присматривали себе невест. Кстати, жениться шорцу было непросто. Родителям невесты требовалось уплатить калым: одного коня, одного-двух бычков и не менее ста рублей. Недешево обходилась и сама свадьба – «той». Из-за такого обычая немало бедняков и батраков на всю жизнь оставались холостяками или женились на вдовах, за которых калым не полагался.

Выплата калыма была запрещена Советским правительством еще в 1928 году. Однако и по сей день в отдаленных улусах можно встретить случаи выплаты калыма – настолько крепки традиции предков.

В заключение коротких этих заметок мне хотелось бы остановиться на некоторых географических названиях, связанных с историей нашего народа.

Наиболее интересно в этом отношении происхождение названия речки Кандалеп, в долине которой расположен город Осинники. Слово «кандалеп» происходит от шорского «кантогул», что в буквальном переводе означает – кровь проливалась.

Предание говорит, что в этом месте был жесточайший бой с джуйгарами и вода речки была густо смешана с человеческой кровью...

Есть еще и речушка Кандалепка, на которой стоит село Канда-леп. В детстве, помнится, старики не разрешали пить из нее воду и даже поить лошадей потому, что вода в ней якобы священная – до сих пор, дескать, здесь течет кровь прадедов, погибших в бою с джунгарскими ханами.

И совершенно не прав исследователь прошлого века миссионер Вербицкий, утверждавший в своей работе «Алтайские инородцы», что бои происходили не с джунгарскими ханами, а с русскими казаками

Переходящие из поколения в поколение легенды и предания убедительно доказывают это. Шорцы приняли русских казаков, как друзей. Не только боев, но и каких-либо вооруженных стычек между ними не происходило. Русский народ помог нам перейти от полудикого кочевого образа жизни к настоящей оседлой жизни, научил строить избы, хозяйствовать на родной земле, поделился своей мудростью и фольклором. Шорцы очень любят слушать русские сказки и сказания, потому что в них есть немало общего с нашими легендами и преданиями.

*Литературная обработка П. Ольгина
«Огни Кузбасса», 1970 г., №2*

УЛУС ТАЙЛЕП

Когда-то давно среди непроходимой дремучей тайги, в живописном местечке Тайлеп, впервые поселились шорцы — охотники Тайбичаковы и Торбоковы. Вначале жили в одагах-шалашах, а потом, срубив хаты, поселились в них. Переехали они из улуса Нижние Кинерки. Постепенно стали селиться и другие: улус вырос до 13—15 дворов. Жители влачили жалкое существование. Они занимались охотой, добычей кедрового ореха и хмеля. Добытые трудом и потом пушные товары за бесценок сдавали осинниковским баям Куртигешевым.

Питались шорцы изготовленным из жареного ячменя толокном и мясом убитых зверей: медведя и оленя, марала, сохатого, белки и других животных. По ночам их жалкие лачуги освещались лучиной. В улусе царили бескультурье, невежество. О хлебопашестве шорцы не имели никакого понятия, плодородные земли, заросшие кустарником и лесом, пустовали. В улусе не было ни одного грамотного человека, о школе шорцы не смели и мечтать. Таков удел их был при царизме.

Великая Октябрьская социалистическая революция совершенно изменила облик улуса Тайлеп. Жители заговорили о школе. После изгнания Колчака она была организована. Первой учительницей была уроженка Осинников Марфа Семеновна Мигашева, которая стала учить грамоте не только детей, но и взрослое население. В 1935 году начальная школа была реорганизована в семилетнюю. За время ее работы из среды тайлепцев вышло немало образованных людей.

...Шорцы с помощью советской власти стали заниматься хлебопашеством. В 1930 году бедняки и середняки организовали колхоз «Красношорец». Объединившись, стали наступать на дремучую тайгу. Там, где раньше бродили медведи, загудели провода, появились большие табуны скота. Бескультурье и невежество ушли в прошлое. В нынешнем Тайлепе днем с огнем не найдешь неграмотного человека. Улус преобразился. На месте лачуг давно поставлены добротные дома, покрытые шифером. Почти в каждом доме телевизор или радиоприемник. За последние годы построены типовые кирпичные скотные дворы. Подобное раньше жители нашего улуса могли видеть лишь на картинах.

Построено немало каменных двухквартирных жилых домов, есть добротный магазин. О клубе, библиотеке и школе говорить не приходится, они давно вошли в быт села. Очень радостно сознавать, что бывший отсталый шорский улус на наших глазах превратился в культурное село.

ИЗ ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ

Заходящее солнце золотило верхушки берез. На востоке громадились облака, напоминая горы Кузнецкого Алатау.

Братья Мигашевы, Касинкен и Ипанакан, сидели рядом на скамейке под окошком и беседовали.

— На какой шут завели мы эту сенокосилку, — говорил Касинкен.

— Сегодня снова поломалась, а угля в кузнице нет. Как сваривать дергач? Придется опять в Абашево ехать.

— Кто виноват, братишка, сам настаивал купить. Вот и мучайся.

— Машина — хорошая вещь, но управу над ней надо иметь. За день три десятины скосить можно, а то и больше.

— Так-то оно так, но надо знать, как ладить с ней.

— Ничего, помучимся, научимся.

Ипанакан помолчал и спросил:

— А ты видел в Шоолоке черную сажу? Может, там уголь?

— Да, я давно замечал, — весной вода выносит очень много этой сажи и даже черные камешки.

— Тогда пойдем завтра, попробуем, может, найдем что.

Утром братья взяли лопату и пошли к Шоолоку, разыскали место выноса породы и начали копать. Под вечер, нагрузившись драгоценными камешками, братья вернулись домой. А на следующий день Касинкен навьючил уголь на верхового коня и, захватив на всякий случай поломанный дергач, поехал в Шурак к кузнецу Недорезову. Попросил помочь беде.

— Это дело нехитрое, — ответил кузнец, — да только-то уголька нет.

— А я со своим углем приехал!

— Из Абашева привез?

— Нет, зачем, свой — осинниковский!

— Ты что, очумел, парень! Откуда здесь углю взяться?

— Не веришь — на, пробуй. Настоящий уголь, не хуже абашевского.

Кузнец, выпучив глаза, смотрел на черный кусочек угля, который достал из мешка Касинкен. Поняв, наконец, что приехавший не шутит, Недорезов взял у него мешок и насыпал угля в горн.

Когда дергач был сварен, кузнец спросил Касинкена, где он взял уголь. И Касинкен рассказал ему.

Весть о добыче братьев мигом облетела улус. Все удивились. А братьям находка не давала покоя. Однажды Касинкен сказал:

— Я думаю, брат, в этих горах что-то есть, надо к кому-нибудь обратиться за советом. Но к кому?

— Эглету надо сказать: Человек он мудрый...

— Вот в пятницу поедем за мукой в Кузнецк на базар и завернем к нему.

День выдался ясный, солнечный. Вдалеке на востоке виднелись горы, а по долине, где синим шелком текла Томь, были рассыпаны шорские улусы.

В улусе Абинца (ныне Абагур) переправлялись на пароме через Томь, купили на базаре четыре пуда муки и поехали к Эглету.

Эглет, как и всегда, встретил братьев весьма радушно. Стал расспрашивать о житье-бытье.

— Вот что, друг: мы приехали к тебе за советом, — сказал Касинкен, кладя на стол кусок угля. — Куда нам написать об этом камешке?

— Где взяли? — спросил Эглет.

— У нас, в Осинниках, нашли.

Эглет подумал и сказал:

— В Барнауле есть горное управление. Туда и пишите. Пошлите маленький кусочек угля, пусть посмотрят, чем богат наш край.

Вернувшись домой, братья продиктовали письмо грамотной сестренке: «В Алтайское горное управление...

Сим сообщаем, что мы, братья Мигашевы, в наших горах нашли уголь. Просим приехать проверить нашу находку. Считаем, что это очень полезное дело. Маленький комочек угля направляем вам».

Узнав, что братья Мигашевы направили письмо в Барнаул, к ним рано утром пришел Куртук-бай. Не поздоровавшись, он начал кричать:

— Что вы наделали! Вот приедут русские — и нам житья не будет. О господи! Не слобровать теперь улусу.

Долго еще ругался Куртук-бай. Братья молчали. Наконец он ушел, зло хлопнув дверью.

Как-то зимой братья услышали скрип саней. В распахнутую дверь ввалились двое мужчин в дохах.

— Здравствуйте! — приветствовали они. — Здесь живут братья Мигашевы?

— Да, здесь, — отозвались хозяева растерянно.

— Тогда мы к вам, — сказал широкоплечий мужчина. — Я инженер-геолог Хлопов Петр Семенович. — А это Меркулов Иван Петрович.

Долго продолжалась беседа в доме Мигашевых. Приехавших интересовало все: глубоко ли залегают уголь, какой мощности пласт и как добраться до того места?

Вскоре началась разведка каменных углей Осинниковского рудника, о высоком качестве которых известно далеко за пределами нашей области. К сожалению, имена братьев Мигашевых, открывших этот уголь, незаслуженно были забыты.

ПОЗОВИТЕ В ПЕРЕВОДЧИКИ ШОРЦА

Некоторые названия на карте Кемеровской области настолько таинственны и замысловаты, что каждому хочется узнать: откуда они? Позовите в переводчики старого охотника-шорца. И он, вспомнив легенды, расскажет вам историю многих географических названий.

Речка называется Сарбала... И село, и железнодорожная станция – тоже. А шорец скажет по-своему: «сарыг-пала» – желтый ребенок. По преданию, охотники-шорцы нашли в этих местах заблудившегося рыжеволосого мальчика.

Алатау... Что значит это слово? Буквальный перевод: пестрые горы. Посмотрите на горы зимой, и точнее названия не придумаете. Именно пестрые!

А как вы переведете слово Таштагол?

Новосибирский писатель А. Смердов считает, что «Таштагол» – это «камень на ладони». У других русских исследователей нашего края я читал: «Таштагол» – «каменистый лог». И это ближе к истине. Я перевожу так: «долинка на камне». Не правда ли, название очень образное?

А откуда – Кондома? Шорцы опять вспомнят легенду. По-шорски река называется Кондум (в переводе «ночевал»). По преданию, однажды к левому берегу реки подъехал на коне богатырь. Река бушевала: половодье прибавило ей воды и сил. Переправиться на другой берег не смог даже богатырь. И он переночевал на берегу...

Я был еще мальчишкой, когда старики-шорцы запрещали мне поить лошадей и пить воду из речки Кандалепки. Они говорили, что в ней – кровь моих предков, вода священна. Кандалеп – искаженное от Кантогул (в переврде «кровь лилась»). В долине речки когда-то шли кровавые бои шорцев с порабитителями, киргизскими ханами.

На юге Шории, сверкая перламутровой шапкой, стоит Мустар (в переводе с шорского «ледяная гора»). В годы моего детства жители гор ежедневно обращались к могущественному Мустагу с молитвами: один просил даровать его семье детей, сыновей, другой хотел удачи на охоте, третий надеялся таким образом уберечь от болезней скот.

Есть такой голец – Амзас Таскыл. Часто при переводе этого названия на русский язык допускают невероятные искажения, называя даже гору «мать рек». Страшная неправда! Слово «Амзас» приблизительно можно перевести так: теперь – болото, а «Таскыл» – большая скалистая гора...

Торгу-таг – в переводе «шелковая гора». В самом деле, с подошвы до вершины она покрыта густым хвойным лесом. Издали кажется, что гора закуталась в зеленый шелк...

Многие названия овеяны шорскими легендами. Если вам доведется путешествовать по нашему краю, пригласите в проводники и переводчики шорца. И он, я в этом уверен, откроет вам тайны десятков географических названий.

Ак-Салғын

ИЗ ЭПОСА О КАДЫГ-КЫЛЫШЕ

ЖАЛОБА АЛТЫН-КАНА

Алтын-Кан с охоты неудачной
На коне, что молока белее,
В стойбище родное едет шагом.
Волос длинный белый с подбородка
Затеняет Алтын-Кану грудь,
А со щек – и плечи.
На душе
Алтын-Кана тяжело сегодня:
Кто-то выбил дичь на Алтми-Таге,
Кто-то выбил дичь на Кумуш-Таге.
«Из чужого рода человек
Побывал там. Я следы коня
Видел – глубоко они вдавились
В почву у подножий гор обеих:
Знать, навьючен конь был тяжело...
Когда ездил на конях я рысью,
То никто не смел на мои горы
Подниматься. Шагом ездить стал –
И, меня на спрашивая, кто-то
Бьет и табыргу, и ах-кника...
Если погонюсь, то догоню ли,
Если повстречаю, – он смутится ль?
Шестиперевальный Алтын-Таг
Для меня удвоил перевалы.
Семиперевальный Кумуш-Таг
Для меня утроил перевалы...
Замениться сыном – сына нет...
Из чужого рода человек
Заберет и стойбище, наверно,
Как забрал охотничьи таскылы...»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ АЛТЫН-КАНА КАДЫГ-КЫЛЫШУ

Спи в железной колыбели
На берестяной постели,
Кедра старого побег.
Под звездою голубою
Становись самим собою —
Будь алып и человек.
Искра, вспыхнувшая поздно,
Станет пламенем, что грозно,
Прянув к небу, загудит.
Мой палам, тебя с годами
Сердца собственного пламя
Озарит и закалит.
О тебе народ услышит,
Назовет Кадыг-Кылышом,
Враг падет у твоих ног.
Из железной колыбели
Ты с берестяной постели
Прянешь в мир крутых дорог.

ОТВЕТ АЛТЫН-КАНА КАДЫГ-КЫЛЫШУ

Не могу пока тебе назвать
Своего обидчика. Ты мал,
Когенек еще не надевал,
Нет сноровки скакуна седлать.

Руки у тебя еще слабы,
Ноги не окрепли мерить даль.
Нир не отличаешь от калбы,
Как же отличишь от глины сталь?
Как же отличишь от добрых – злых?
Как же правду отличишь от лжи?
Положив и пули, и мылтых,
Ты мне шест айле покажи.
По зарубкам вижу, как растешь,
Еще много-много ставить их,
Прежде чем с оружием пойдешь
Или с мыслью умною пойдешь
Ты против обидчиков моих.

КАДЫГ-КЫЛЫШ ПОЛУЧАЕТ ИМЯ

За горами, за тайгой
Раздается стук копыт.
Дует ветер верховой.
Дует ветер низкой –
Богатырский конь бежит,
Вихри пред собой гоня,
Мазь савраса у коня.
Тяжело копыта бьют
И пласты земные гнут.
Лес стоячий загудел,
Лес лежащий затрепал –
Тот и этот поредел...
Конь саврасый поскакал
К мальчику-богатырю,
Что в тайге встречал зарю,
Светит золотым седлом,
И лежит оно на нем
Светлой лодкою. Звенит
И серебряный чугун,
И серебряный нохта,
И кольчуга, и сикпен
Поперек лежат хребта.
У кольчуги колец слой
Светит, будто Ай-Алтын.
У сикпена ткани слой
Светит, будто Кун-Алтын.
Отряхнулся статный конь,
На луке седла с ладонь
Задрожал бересты клочок,
Весь исписан поперек.
Мальчик-богатырь, читай
И, читая, разумей:
"Будешь ты среди людей –
Солнце – Кун и Месяц – Ай.
Это я, Шолбан-звезда,
Завлекла тебя сюда,

Чтобы принял от меня
В дар одежду и коня.
Я, Шолбан, тебе дала
Зоркость горного орла,
Жгучесть белого огня,
Жгучесть алого огня.
Ты ее не расплещи,
Огнедыщащий таскыл
Молодых душевных сил
Попусту не истощи.
Как гора, не покачнись,
Как тайга, упорно ввысь,
Смелый духом, устремись.
Будь алып и будь герой;
За народ более душой —
Он скорбит — и ты скорби,
Встань за правого горой,
Бедных и сирот люби.
Встань за слабого стеной.
Шорию от бед спаси.
Имя, что даю, носи.
Гордое Кадыг-Кылыш.
Выкуй сам судьбу свою
Из лучей моих, Кадыг-Кылыш.
Так гласили письмена
На бересте. Зелена
Мгла таежная была,
А с небес — светлым-светла,
Словно молодая кыз,
Звездочка глядела вниз...

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о Степане Торбокове	5
Я рад своей судьбе	
Осинники	18
Кузбасс	19
Гвоздь	20
Мустаг	22
«Знаменитый Мустаг – по преданию...»	24
Детство	26
Изба	27
Мечты	28
Калтан	29
Еду по Южсибу	30
Рабочий люд	32
Рука дружбы	33
Дом-домик	35
Асфальт в тайге	36
Друг ты мой, человек	38
Ботинки	39
Агроном	40
Сосед	41
Мир	42
«Потом» и «сейчас»	43
Люди разные	45
Сельская учительница	46
Новокузнецк – Абакан	47
Счастье старого учителя	48
Сны	49
Мой истинный друг	50
Матери	51
Провожание матери	53
Донный лед	54
«На пенсию уходит Якучи»	55
Закат	56
Я рад своей судьбе	57
Мой прощальный тост	59
Баллада о братьях	60

Голос гор

«Шестьдесят косичек в конской гриве...»	64
Голос гор	65
«В Кандалепе, земле отцовской...»	66
Песня охотника	67
Песня наездника	68
Порог на Мрассу	69
Говор кай-комуса	71
Звонкий волос	72
Душа зовет	72
Раздумье	73
Был у нас кайчы	75

Не тронь такую красоту

Кедр	77
Марал	78
Озеро Карчияк	79
Кун-Кузези	80
Зима	81
Анчы	82
Лыжи	84
Февраль	85
Колыбельная	86
Заяц	87
Песенка рябчика	88
Приход весны	89
Март	90
Кедр-великан	91
Равноденствие	92
Южная гостя	93
Раненая береза	94
Рябинка на утесе	95
Таежная речка	96
Утро	97
Ягоды поспели	98
Пихточка	100
Ливень	101
Осина	102
Сенокос	103

Август	104
Добыча ореха	105
Спор	107
Вечер	108
На Кондоме	109
Сентябрь	110
Журавли	111
Осеннее	112
Облетают листья	113
Улетают гуси	114
Ноябрь – анчы айы	115
Кедр могучий	116

О любви я пою

«Игреновую гриву...»	118
Ханская дочь	119
Турпан	120
Тоска по любимой	121
«Два каурых скакуна...»	122
Медный мылтых	123
Наставление невесте	124
Обращение свахи к невесте	125
Песня парня	126
Песня невесты	127
Пожелание невесте	128
Той	129
«Цвет у Томи-реки...»	130
Спор женщин	131
Песня	133

Шория всюду со мной

Люблю	135
Шория	136
Песня шорца	137
Белая береза	138
Девушка-шорка	139
Кондома	140
Автобус в тайге	141
Простор	143
Шор-кижи в москве	144

«Расскажу вам неслыханную историю...»	145
Утро в шории	146
Люблю мой край	147

Шорские народные сказки

Пчелка	149
Волшебная шапка	152
Охотник Панюгеш	164
Чок анчы	179

Степан Торбоков о родном крае и о себе

Степан Торбоков о себе	188
Шор-кижи	190
Улус тайлеп	196
Из истории родного края	198
Позовите в переводчики шорца	199

Ак-салгын

Из эпоса о Кадыг-Кылыше	202
Жалоба Алтын-Кана	202
Колыбельная Алтын-Кана Кадыг-Кылышу	203
Ответ Алтын-Кана Кадыг-Кылышу	204
Кадыг-Кылыш получает имя	205

Литературно-художественное издание

Степан Торбоков

ШОРИЯ ВСЮДУ СО МНОЙ

Перевод с шорского: М. Небогатов
В. Махалов
Г. Сысолятин
Г. Косточаков
М. Субботин
С. Соколовская

Отв. редактор А. В. Правда
Редактор-составитель Н. П. Мурзина
Инж. комп. верстки П. А. Лебедев
Корректоры: Е. А. Савенкова
Е. А. Скрябина
Художник О. Г. Помыткина
Дизайнер Л. Н. Тимофеева
Фото на обложке В. Н. Юдин

Подписано в печать 10.11.2006.
Формат 60x84/16. Объем 12,6 усл. печ. л.
Гарнитура «Siberia TYGRA».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 400 экз. Заказ № 1403

ОАО «ИПП «Кузбасс»
Россия, 650066, г. Кемерово, пр-т Октябрьский, 28
Тел. (384-2) 52-68-11, факс (384-2) 52-78-88